

Я вещаю из гробницы

Автор:

Алан Брэдли

Я вещаю из гробницы

Алан Брэдли

Тайны Букшоу #5

Невероятное событие нарушает пасторальную идиллию милой английской деревушки Бишоп-Лейси. Команда археологов приезжает, чтобы сделать открытие века – произвести раскопки могилы святого Танкреда. Одного этого уже достаточно, чтобы дать пищу для сплетен на сто лет вперед. Но в том месте, где должна быть гробница святого, находят довольно свежий труп местного красавчика-органиста... За расследование, как обычно, рьяно берется вечный кошмар местных полицейских Флавия де Люс – любопытная проныра двенадцати лет от роду. Чтобы найти убийцу, ей придется очень глубоко сунуть нос не только в тайны тихого Бишоп-Лейси, но и в собственный семейный шкаф, полный скелетов, и один святой Танкред знает, что она сумеет там раскопать.

Алан Брэдли

Я вещаю из гробницы

Посвящается Ширли

Now from yon black and fun'ral yew,

That bathes the charnel-

house with dew,

Methinks I hear a voice begin;
(Ye ravens, cease your croaking din;
Ye tolling clocks, no time resound
O'er the long lake and midnight ground)
It sends a peal of hollow groans,
Thus speaking from among the bones.

Thomas Parnell Night Piece on Death (1717)[1 - (англ. дословный перевод)Теперь от того черного похоронного тиса,Что омывает склеп росой,Мне показалось, донесся голос:«Вы, вороны, прекратите громко каркать,Вы, звонящие колокола, не время раздаватьсяНад длинным озером и полуночной землей».Он посылает отзвуки глухих стоновИ так вещает из гробницы.Томас Парнелл, «Ночные стихи о смерти», 1717 г. (Здесь и далее – примечания переводчика).]

«SPEAKING FROM ALONG THE BONES» by Alan Bradley

Издание публикуется с разрешения The Bukowski Agency Ltd и The Van Lear Agency LLC.

Copyright © 2013by Alan Bradley

© Измайлова Е., перевод, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Кровь хлынула из отрубленной головы и веером красных капель брызнула по сторонам, собираясь красной лужицей на черно-белых плитках. Лицо застыло в

гримасе, как будто мужчина погиб крича. Его зубы, разделенные четкими промежутками, обнажились в жутком безмолвном вопле.

Я не могла оторвать от него глаз.

Женщина, с гордостью державшая голову с разинутым ртом за кудрявые иссиня-черные волосы в вытянутой руке, была одета в красное платье – практически такого же цвета, как кровь мертвеца.

Склонившись в безмолвном поклоне чуть поодаль, слуга держал блюдо, на котором она принесла голову в помещение. Сидящая на деревянном троне матрона в шафрановом облачении подалась вперед, выдвинув челюсть от удовольствия, и рассматривала ужасный трофей, сжав ладони в кулаки на подлокотниках кресла. Ее звали Иродиада, и она была женою царя.

Женщина помоложе, что держала голову, звалась – согласно историку Иосифу Флавию – Саломеей. Она приходилась падчерицей царю Ироду, а Иродиада была ее матерью.

Отрубленная голова, ясное дело, принадлежала Иоанну Крестителю.

Я припомнила, что слышала эту отвратительную историю не далее чем месяц назад, когда отец читал вслух отрывок из Священного Писания, стоя за огромным резным деревянным орлом, служившим кафедрой в Святом Танкреде.

Тем зимним утром я, такая же замороженная, как и сейчас, глазела вверх на витраж, на котором была изображена эта захватывающая сцена.

Позже, во время проповеди, викарий объяснил, что во времена Ветхого Завета считалось, что наша кровь содержит в себе нашу жизнь.

Конечно же!

Кровь!

Почему я раньше об этом не подумала?

– Фели, – сказала я, потянув ее за рукав, – мне надо домой.

Моя сестрица меня проигнорировала. Она внимательно изучала ноты, а ее руки в сумеречных тенях угасающего дня, словно белые птицы, летали по клавишам органа.

“Wie gross ist der Allma#cht’gen Gu#te” Мендельсона.

– «Велик Господь всемогущий», – пояснила она мне.

Пасха наступит уже через неделю, и Фели дрессирует себя для своего официального дебюта в качестве органиста в Святом Танкреде. Ветреный мистер Колликот, занимавший это место всего лишь с лета, внезапно улетел из нашей деревни без объяснений, и Фели попросили выступить вместо него.

Святой Танкред поглощает органистов, словно питон белых мышей. Когда-то был мистер Тэггарт, потом мистер Деннинг. Теперь пришел черед мистера Колликота.

– Фели, – сказала я. – Это важно. Мне надо кое-что сделать.

Фели дернула за один из вытяжных рычагов большим пальцем, и орган заревел. Я люблю эту часть пьесы: то место, где она вмиг перескакивает от звуков спокойного моря на закате к рычанию зверя в диких джунглях. Когда дело касается органной музыки, громко – значит хорошо, по крайней мере, с моей точки зрения.

Я подтянула колени к подбородку и забила в угол сиденья в алтаре. Было очевидно, что Фели собирается пахать до упора и гори все синим пламенем, так что мне придется просто ждать.

Я осмотрелась, но изучать было особо нечего. В слабом свечении единственной лампочки над пюпитром мы с Фели казались потерпевшими кораблекрушение на крошечном плоту из света в море тьмы.

Если повернуть и наклонить голову, в конце консольной балки под крышей нефа я могу увидеть голову Святого Танкреда, вырезанную из английского дуба. В

странном вечернем свете казалось, будто он прижался носом к окну и вглядывается из холода в уютную комнату, где в очаге весело горит огонь.

Я одарила его почтительным наклоном головы, хотя знаю, что он меня не видит, поскольку его кости гниют в подземном склепе. Но береженого бог бережет.

Вверху над моей головой в дальнем конце алтаря Иоанн Креститель и его убийца были уже почти незаметны. В эти облачные мартовские дни сумерки сгущаются быстро, и, если смотреть изнутри церкви, окна Святого Танкреда могут превратиться из разноцветного гобелена в мутную черноту быстрее, чем продекламируешь какой-нибудь длинный псалом.

По правде говоря, я бы предпочла сейчас быть дома в моей химической лаборатории, чем сидеть тут в полумраке продуваемой сквозняками старой церкви, но отец настоял.

Хотя Фели старше меня на шесть лет, отец запрещает ей ходить в церковь на вечерние репетиции и спевки хора одной.

– Сейчас в наши края понаедут чужаки, – сказал он, имея в виду группу археологов, которые вскоре приедут в Бишоп-Лейси на раскопки костей нашего святого-покровителя.

Как, предполагается, я буду защищать Фели от нападений диких ученых, отец не потрудился объяснить, но я знала, что дело не только в этом.

В недавнем прошлом в Бишоп-Лейси произошел целый ряд убийств: захватывающих убийств, и я изрядно помогла инспектору Хьюитту из полицейского участка Хинли в расследованиях.

Я мысленно загибала пальцы, пересчитывая жертвы: Гораций Бонепенни, Руперт Порсон, Бруки Хейрвуд, Филлис Уиверн...

Еще один труп, и можно будет загнуть все пальцы одной руки.

Каждый из них нашел свой печальный конец в нашей деревне, и я знала, что отец чувствует себя не в своей тарелке.

– Это неправильно, Офелия, – сказал он, – девушке, которая... чтобы девушка твоего возраста в одиночестве брэнчала в старой церкви поздно вечером.

– Там никого нет, кроме мертвецов, – засмеялась Фели, может быть, немного слишком весело. – И они меня не тревожат. Вовсе не так, как живые.

За спиной отца моя вторая сестрица, Даффи, лизнула запястье и пригладила волосы по бокам воображаемого пробора на голове, словно умывающаяся кошка. Она изображала Неда Кроппера, помощника трактирщика в «Тринадцати селезнях», который страшно запал на Фели и временами преследовал ее, словно дурной запах.

Фели почесала ухо, давая понять, что поняла шуточку Даффи. Это был один из тех безмолвных сигналов, которыми обменивались мои сестрицы, словно сигналами флажков с корабля на корабль, непонятными тем, кто не знал шифр. Но даже если бы отец заметил этот жест, он бы не понял его значение. Система шифров нашего отца была совсем другим языком по сравнению с нашим.

– Тем не менее, – произнес отец, – если ты выходишь затемно, ты должна брать с собой Флавию. Ей не помешает выучить несколько псалмов.

Выучить несколько псалмов, да уж! Всего лишь пару месяцев назад, когда я была прикована к постели во время рождественских каникул, миссис Мюллет, хихикая и умоляя меня хранить секрет, шепотом научила меня парочке новеньких. И я все без усталости мычала:

Hark the herald angels sing,

Beecham's Pills are just the thing.

Peace on earth and mercy mild,

Two for a man and one for a child[2 - Слушай, ангелы-вестники поют: «Пилюли Бичема» – то, что надо, Мир на земле и сострадание, Две для взрослого и одна для ребенка.].

Или вот еще:

We Three Kings of Leicester Square,

Selling ladies' underwear,

So fantastic, so elastic,

Only tuppence a pair[З - Мы, три короля с площади Лестер,Продаем дамское белье,Такое прекрасное, такое эластичное,Всего лишь два пенса за пару.].

Пока Фели не швырнула экземпляр «Псалмов старинных и современных» мне в голову. Что я точно знаю об органистах, так это то, что они совершенно лишены чувства юмора.

- Фели, - сказала я, - я замерзла.

Я задрожала и застегнула свой кардиган. Вечером в церкви было ужасно холодно. Хор ушел час назад, и без их теплых тел, сгрудившихся вокруг меня, словно поющие сельди в бочке, казалось еще холоднее.

Но Фели погрузилась в Мендельсона. С тем же успехом я могла бы обращаться к луне.

Внезапно орган издал задыхающийся звук, как будто поперхнулся чем-то, и мелодия булькнула и оборвалась.

- О ужас, - сказала Фели. Это было самое ужасное ругательство, на которое она способна, по крайней мере в церкви. Моя сестрица - благочестивая притворщица.

Она встала на педали и начала враскачку выбираться из-за органной скамьи, заставляя басы резко мычать.

- Ну и что теперь? - сказала она, закатывая глаза, как будто рассчитывая услышать ответ с небес. - Эта штуковина плохо себя ведет уже не первую неделю. Должно быть, влажность.

- Я думаю, он сломался, - заявила я. - Вероятно, ты его испортила.

- Дай мне фонарик, - сказала она после длинной паузы. - Мы пойдем и посмотрим.

Мы?

Когда Фели становилось страшно до потери пульса, «я» быстренько превращалось в «мы». Поскольку орган Святого Танкреда включен Королевским колледжем органистов в список исторических инструментов, любой ущерб этой ветхой штукенции, вероятно, будет расцениваться как акт национального вандализма.

Я знала, что Фели в ужасе от мысли, что придется сообщить викарию плохую новость.

– Веди, о виновная, – сказала я. – Как нам попасть внутрь?

– Сюда, – ответила Фели, быстро отодвинув скрытую консоль в деревянной резной панели около пульта управления органом. Я даже не успела заметить, как она это проделала.

Подсвечивая фонариком, она нырнула в узкий проход и скрылась в темноте. Я сделала глубокий вдох и последовала за ней.

Мы оказались в пахнувшей плесенью пещере Аладдина, со всех сторон окруженные сталагмитами. В радиусе света от фонарика над нами возвышались органные трубы: из дерева, из металла, всех размеров. Некоторые были толщиной с карандаш, некоторые – с водосточный желоб, а еще какие-то – с телефонную будку. Не столько пещера, пришла я к выводу, сколько лес гигантских флейт.

– Что это? – спросила я, указывая на ряд высоких конических труб, напомнивших мне духовые трубки пигмеев.

– Регистр гемсхорн, – ответила Фели. – Они для того, чтобы звучать, как древняя флейта из бараньего рога.

– А это?

– Рорфлётё.

– Потому что он рычит?

Фели закатила глаза.

– Рорфлёте означает «каменная флейта» по-немецки. Они сделаны в форме каминов.

Точно, так они и выглядят. Они бы вполне вписались в компанию дымовых труб в Букшоу.

Внезапно в тених что-то зашипело и забулькало, и я вцепилась в талию Фели.

– Что это? – прошептала я.

– Виндлада[4 - Виндлада – резервуар для сжатого воздуха в органе. В виндладу воздух попадает из мехов, а из виндлады поступает непосредственно в трубы.], – ответила она, направляя фонарик в дальний угол.

Точно, в тени огромная кожаная штукovina, похожая на сундук, делала медленные выдохи, сопровождаемые бронхиальными посвистыванием и шипением.

– Супер! – решила я. – Похоже на гигантский аккордеон.

– Прекрати говорить «супер», – сказала Фели. – Ты знаешь, что отец это не любит.

Я ее проигнорировала и, пробравшись мимо нескольких труб поменьше, забралась на верх виндлады, издавшей удивительно реалистичный неприличный звук и немного просевшей.

В облаке поднятой мною пыли я чихнула – один раз, второй, третий.

– Флавия! Немедленно слезай! Ты порвешь эту старую кожу!

Я встала на ноги и выпрямилась во все свои четыре фута десять дюймов с четвертью. Я довольно высокая для своих двенадцати лет.

– Ярууу! – завопила я, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. – Я король замка!

– Флавия! Немедленно спускайся, или я пожалуюсь отцу!

– Посмотри, Фели, – сказала я. – Тут наверху старый могильный камень.

– Я знаю. Он для того, чтобы добавить веса виндладе. Теперь спускайся. И осторожно.

Я смахнула пыль ладонями.

– Иезекия Уайтфлит, – прочитала я вслух. – 1679–1778. Ого! Девяносто девять лет! Интересно, кто он?

– Я выключаю фонарь. Ты останешься одна в темноте.

– Ладно, – сказала я. – Иду. Нет нужды быть такой букой.

Когда я перенесла свой вес с одной ноги на другую, виндлада покачнулась и еще немного просела, так что у меня возникло ощущение, будто я стою на палубе тонущего корабля.

Справа от лица Фели что-то затрепетало, и она замерла.

– Вероятно, просто летучая мышь, – сказала я.

Фели издала дикий вопль, уронила фонарь и исчезла.

Летучие мыши стоят на одном из первых мест в списке вещей, которые превращают мозг моей сестрицы в пудинг.

Снова послышалось какое-то движение, как будто эта штука подтверждала свое присутствие.

Осторожно спускаясь со своего насеста, я подняла фонарь и провела им по ряду труб, как палкой по частоколу.

В помещении разнеслось эхо яростных хлопков чего-то кожаного.

– Все в порядке, Фели, – окликнула я. – Это и правда летучая мышь, и она застряла в трубе.

Я выбралась через люк в алтарь. Фели стояла там в лунном свете, белая, как алебастровая статуя, обхватив себя руками.

– Может, у нас получится выкурить ее, – сказала я. – Не найдется сигаретки?

Конечно же, я шутила. Фели терпеть не могла курение.

– А может, попробуем уговорить ее? – с энтузиазмом предложила я. – Что едят летучие мыши?

– Насекомых, – отрешенно сказала Фели, как будто пытаюсь вырваться из парализующего сна. – Так что это бесполезно. Что нам делать?

– В какой она трубе? – спросила я. – Ты заметила?

– В шестнадцатифутовом диапазоне, – дрожащим голосом ответила она. – Ре.

– У меня есть идея! – заявила я. – Почему бы тебе не сыграть Токкату и фугу ре минор Баха? На полной мощности. Это прикончит маленькую тварь.

– Ты отвратительна, – сказала Фели. – Завтра я скажу мистеру Гаскинсу о летучей мыши.

Мистер Гаскинс – церковный сторож Святого Танкреда, и предполагается, что он должен разбираться со всеми проблемами от выкапывания могил до полировки

меди.

– Как ты думаешь, как она попала в церковь? Летучая мышь, имею в виду.

Мы шли домой вдоль изгородей. Мимо луны проносились бесформенные облака, резкий встречный ветер трепал наши пальто.

– Я не знаю и не хочу говорить о летучих мышах, – заявила Фели.

На самом деле я просто поддерживала беседу. Я знаю, что летучие мыши не влетают в открытые двери. На чердаках Букшоу их водилось предостаточно, они обычно попадают туда через разбитые окна, или их, раненых, втаскивают внутрь коты. Поскольку в Святом Танкреде котов нет, ответ очевиден.

– Зачем открывают его могилу? – спросила я, меняя тему. Фели поймет, что я имею в виду святого.

– Святого Танкреда? Потому что исполняется пятьсот лет со дня его смерти.

– Что?

– Он умер пятьсот лет назад.

Я присвистнула.

– Святой Танкред мертв уже пятьсот лет? Это в пять раз дольше, чем прожил Иезекия Уайтфлит.

Фели ничего не ответила.

– Это значит, что он умер в тысяча четыреста пятьдесят первом, – сказала я, быстренько сосчитав в уме. – Как ты думаешь, как он будет выглядеть, когда его выкопают?

– Кто знает? – сказала Фели. – Некоторые святые не разлагаются. Их лица остаются такими же мягкими и персиковыми, как попка младенца, и они пахнут

цветами. «Аромат святости», так это называется.

Когда у моей сестрицы есть настроение, она становится откровенно болтлива.

– Суперколоссально! – сказала я. – Надеюсь, я смогу хорошенько его рассмотреть, когда его вытащат из гроба.

– Забудь о святом Танкреде, – велела Фели. – Тебя к нему и близко не подпустят.

– Это все 'рно что есть г'рячий 'гонь, – сказала миссис Мюллет. Она, разумеется, имела в виду, что это «все равно что есть горячий огонь».

Я с сомнением воззрилась на миску супа из тыквы с пастернаком, которую она поставила передо мной на стол. В этой жиже, словно катышки птичьего дерьма, плавали зернышки черного перца.

– Выглядит почти съедобно, – мило заметила я.

Заложив палец в «Тайны Удольфо», чтобы не потерять место, где она читает, Даффи выстрелила в меня одним из своих парализующих взглядов.

– Неблагодарная маленькая дрянь, – прошептала она.

– Дафна... – начал отец.

– Что ж, такая она и есть, – продолжила Дафна. – Суп миссис Мюллет – не повод для шуток.

Фели быстро поднесла салфетку к губам, чтобы скрыть улыбку, и я снова уловила безмолвный обмен посланиями между моими сестрицами.

– Офелия... – произнес отец. Он это тоже не упустил.

– О, все в порядке, полковник де Люс, – сказала миссис Мюллет. – Мисс Флавия ч'ток шутит. Мы с ней п'нимаем друг друга. Она не х'тела обидеть.

Вот это новость для меня, но я изобразила теплую улыбку.

– Все хорошо, миссис Мюллет, – сказала я. – Они не ведают, что творят.

Отец очень тщательно сложил последний выпуск «Лондонского филателиста», который он читал, и вышел из комнаты вместе с ним. Через несколько секунд я услышала, как тихо закрылась дверь его кабинета.

– Ну что ты наделала, – сказала Фели.

Отцовские денежные проблемы давили все сильнее с каждым месяцем. Было время, когда тревоги заставляли его просто хмуриться, но с недавнего времени я начала замечать то, что меня пугало намного, намного больше: капитуляцию.

Капитуляция человека, который пережил лагерь военнопленных, была совершенно невыносима, и у меня неожиданно сжалось сердце, когда я поняла, что сухие человечки из налогового департамента ее величества сделали с отцом то, на что оказалась неспособна Японская империя. Они вынудили его потерять надежду.

Наша мать Харриет де Люс, которая унаследовала Букшоу от двоюродного дедушки Тарквина де Люса, погибла во время несчастного случая в Гималаях, когда мне был один год. Поскольку она не оставила завещания, стервятники ее величества сразу же набросились на отца и продолжают клеветать его печень с тех самых пор.

Это долгая битва. Время от времени возникало ощущение, что обстоятельства повернутся в лучшую сторону, но с недавнего времени я стала замечать, что отец устал. Несколько раз он предупреждал нас, что, может статься, нам придется покинуть Букшоу, но как-то мы всегда выкручивались. Теперь казалось, что ему стало все равно.

Как же я люблю этот милый старый дом! Одна мысль о его высохших обоях и ветхих коврах заставляет все мое тело покрыться мурашками.

Первоклассная химическая лаборатория дядюшки Тара наверху в неотопливаемом восточном крыле была единственной частью дома, которая

прошла бы инспекцию, но ее давно отдали на волю пыли, холода и забвения, пока я не наткнулась на заброшенное помещение и не завладела им.

Хотя дядюшка Тар умер больше двадцати лет назад, лаборатория, построенная для него снисходительным отцом, настолько опередила время, что даже сейчас, в 1951 году, ее можно было считать чудом науки. От сияющей меди бинокулярного микроскопа Ляйца до рядов бутылочек с химикалиями, от леса мензурок и графинов до газового хроматографа, который он распорядился соорудить, основываясь на трудах химика с завидным именем Михаил Семенович Цвет, лаборатория дядюшки Тара была теперь моей: мир стекла и чудес.

Ходили слухи, что перед смертью дядюшка Тар работал над распадом окиси азота первого порядка. Если эти слухи правдивы, он был одним из пионеров того, что мы недавно начали называть «бомба».

С помощью библиотеки дядюшки Тара и его подробных записных книжек я сумела превратить себя в чертовски хорошего химика, хотя мои интересы лежат не столько в сфере разложения атомов, сколько в области изготовления ядов.

По мне, так изрядная доза цианида калия может побить тупые крутящиеся электроны одной левой.

Мысли о том, что меня ожидает лаборатория, было невозможно противиться.

– Не трудитесь вставать, – сказала я Даффи и Фели, уставившимся на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

Я вышла из комнаты в гробовом молчании.

2

Если наблюдать через микроскоп при слабом увеличении, человеческая кровь сначала выглядит как вид сверху на коллегия кардиналов в шапочках и мантиях, прогуливающих по площади Ватикана в ожидании, когда папа римский появится на балконе.

Но если усилить увеличение, цвет угасает, пока наконец не разглядим, что каждая из частиц в реальности имеет не более чем бледно-розовый оттенок.

Красный цвет крови проистекает от железа, содержащегося в гемоглобине. Железо легко связывается с кислородом, разносящим его в самые отдаленные уголки и закоулки нашего тела. Омары, улитки, крабы, ракушки, кальмары и члены европейских королевских фамилий, в противоположность, имеют голубую кровь, поскольку она скорее основана на меди, чем на железе.

Я полагаю, что на эту идею меня натолкнула дохлая лягушка. Бедняжка, вероятно, пыталась совершить путешествие от реки, протекавшей за Святым Танкредом, до маленького болотца через дорогу, когда с ней приключился ужасный несчастный случай с участием мотоцикла.

Какова бы ни была причина, ее расплющило еще до того, как я успела сунуть ее в карман и унести домой в научных целях.

Чтобы сделать частицы под микроскопом более прозрачными, я смешала образец крови с уксусной кислотой, разведенной в пропорции один к четырем, и, настроив точный фокус, ясно увидела, что частицы крови лягушки – плоские диски, скорее похожие на розовые пенни, а моя кровь, которую я добыла быстрым уколом булавки, состоит из частиц в два раза больше и вогнутых, словно дюжины красных пончиков.

Идея сравнить мою собственную кровь с кровью отца и сестер пришла позже и косвенно от Даффи.

– Ты такая же де Люс, как человек на луне, – рявкнула она, застав меня за чтением ее дневника. – Твоей матерью была трансильванка. У тебя в жилах кровь летучих мышей.

Выхватывая переплетенную в кожу тетрадь у меня из рук, она прилично порезалась краем бумаги.

– Теперь посмотри, что ты наделала! – завопила она, сунув мне под нос кровоточащий дрожащий палец и эффектно стряхивая кровь на ковер гостиной. Для пущего драматического эффекта, она выдавила еще несколько капель из

ранки. А потом, не говоря больше ни слова, на грани слез вылетела из комнаты.

Плевое дело – собрать приличное количество крови носовым платком. Отец всегда разглагольствовал на тему, как важно иметь при себе чистый сопливчик, и была в моей жизни пара случаев, когда я молча благодарила его за прекрасный совет. И вот еще один такой случай.

Я сразу же бросилась в лабораторию, приготовила предметное стекло для образца крови и сделала несколько неплохих заметок о моих наблюдениях, аккуратно разрисовав их карандашами из набора профессионального художника, подаренного тетей Миллисент Фели на Рождество несколько лет назад.

Затем, благодаря невероятному подарку судьбы, пару дней спустя Фели, необычайно гордившаяся своими руками, оторвала заусеницу за завтраком, и Флавия оказалась тут как тут – довольно удачная острога, если подумать.

– Аккуратно! Ты испачкала скатерть! – заявила я, выдергивая салфетку из ее пальцев и протягивая ей кусочек ваты из моего кармана. – Я прополощу в холодной воде, пока оно не впиталось.

В лаборатории я добавила еще одну порцию заметок в мой дневник.

Круглые плоские диски красных телец, – написала я, – имеют тенденцию слипаться. Они демонстрируют свой характерный красный цвет, только когда перекрывают друг друга. В противном случае они имеют бледно-желтый оттенок западного неба после вечернего дождя.

Разжиться образцом крови отца было более сложно. Мне это не удавалось аж до следующего понедельника, когда он появился за завтраком с клочком туалетной бумаги, прижатым к горлу в том месте, где он порезался во время бритья.

Накануне Доггер перенес один из своих ужасных полуночных эпизодов, во время которых жуткие хриплые крики сменяются хныканьем, еще более нервирующим, чем вопли.

Доггер – отцовский мастер на все руки. Его обязанности варьируются в зависимости от его способностей. Иногда он бывает камердинером, иногда садовником, в зависимости от того, куда дуют ветры в его голове. Доггер и отец вместе служили в армии и вместе сидели в тюрьме Чанги[5 - Чанги – тюрьма в Сингапуре, построенная англичанами и, по иронии судьбы, во время Второй мировой войны использовавшаяся японцами, оккупировавшими Сингапур, в качестве лагеря военнопленных для британцев.]. Это тема, на которую они никогда не говорят, и те немногие детали, что мне известны о тех ужасных годах, я по капле выдавила из миссис Мюллет и ее мужа Альфа.

Утром я поняла, что отец не спал, что он сидел с Доггером, пока тот не успокоился. В нормальном состоянии отец никогда бы не позволил, чтобы его увидели прижимающим к себе клочок туалетной бумаги, и этот факт сказал о его расстройстве больше, чем он мог бы выразить словами.

Легкое дело – добыть испачканный клочок бумаги из мусорного ведра в его гардеробной, но должна признать, что, занимаясь этим, я никогда в жизни не чувствовала себя такой виноватой.

Наши красные и белые тельца, отца, Фели, Даффи и мои, – записала я в дневник, хотя едва ли хотела верить в это, – идентичны по размеру, форме, плотности и цвету.

Из потрепанной и покрытой любопытными пятнами книги о микроскопах из библиотеки дядюшки Тара я знала, что кровяные тельца летучей мыши примерно на двадцать пять процентов меньше, чем человеческие.

Даже увеличенные в тысячу раз, мои кровяные тельца были идентичны тельцам отца и сестер.

По крайней мере, внешне.

Я читала в одном популярном журнале из тех, что замусоривали нашу гостиную, что человеческая кровь идентична по химическому составу морской воде, из которой, как говорят, выползли наши отдаленные предки: что морская вода на самом деле временами использовалась для переливаний в чрезвычайных медицинских ситуациях, когда настоящая кровь была недоступна.

Французский исследователь и артиллерийский офицер Рене Куинтон однажды заменил кровь собаки раствором морской воды и обнаружил, что собака не просто выжила и дожила до глубокой старости, но что через день-другой после эксперимента тело собаки заместило морскую воду кровью!

И кровь, и морская вода состоят преимущественно из натрия и хлора, хотя в разных пропорциях. Тем не менее забавно думать, что жидкость, текущая в наших жилах, немногим больше, чем раствор столовой соли, хотя, по правде говоря, то и другое содержат также крохи кальция, магния, калия, цинка, железа и меди.

На короткое время этот так называемый факт чрезвычайно меня взволновал, предполагая возможность бесчисленного количества смелых экспериментов, кое-какие из которых касались людей.

Но потом в дело вступила Наука.

Обширный и тщательно калиброванный набор химических тестов с использованием моей собственной крови (несколько недель меня одолевала слабость) показал явные отличия.

Я довольно убедительно доказала, что то, что течет в жилах де Люсов, – не морская вода, а другое сочетание элементов творения.

И что касается обвинения Даффи, что моя мать – трансильванка, что ж, это попросту нелепо!

Мои сестры много раз пытались убедить меня, что Харриет мне не мать: что меня удочерили, или подменили эльфы, или бросила после рождения неизвестная мать, которая оказалась не в состоянии рыдать каждый день при виде моего уродливого лица.

Почему-то мне было бы намного спокойнее знать, что мы с сестрами разной крови.

Кровь летучей мыши, точно! Эта ведьма Даффи!

Однако все, что теперь оставалось, чтобы завершить мой эксперимент должным научным образом, – это лично провести кое-какие дополнительные исследования и сделать выводы, основанные на собственных наблюдениях, за жидкостями настоящей летучей мыши.

И я точно знала, где ее добыть.

Утром мне придется встать пораньше.

3

Стоял один из тех чудесных мартовских дней, когда воздух так свеж, что наслаждаешься каждым дуновением; когда каждый одурманивающий вдох создает в легких и в мозгу такие новые вселенные, что кажется, будто сейчас взорвешься от чистой радости; один из тех буйных дней с несущимися облаками и мелкими ливнями, резиновыми сапогами и уносимыми ветром зонтиками, когда чувствуешь, что и правда живешь.

Было слышно, как в лесу заливались птицы: ку-ку, жаг-жаг, пю-уи-ту-уитта-уо.

Был первый день весны, и Мать Природа, похоже, знала об этом.

«Глэдис» поскрипывала от радости, когда мы неслись под дождем. Пусть даже она намного старше меня, она любит хорошую пробежку во влажный день так же, как и я. Ее изготовили в Бирмингеме на Британском заводе стрелкового оружия в отделе велосипедов еще до моего рождения, и изначально она принадлежала моей матери Харриет, назвавшей ее «Ласточкой».

Я переименовала ее в «Глэдис[б - Прозвище Глэдис, по-видимому, происходит от английского слова glad – довольный, веселый, жизнерадостный.]» из-за ее жизнерадостного характера.

Обычно «Глэдис» не любит мочить юбки, но в такой день, когда ее шины поют на влажном бетоне и ветер дует нам в спины, нет времени для жеманства.

Широко расставив руки, чтобы полы моего желтого макинтоша превратились в паруса, я отдалась на волю ветра.

– Ярууу! – завопила я, проносясь под дождем мимо парочки промокших коров, рассеянно взглянувших на меня.

В туманном зеленом свете раннего утра Святой Танкред напоминал георгианскую акварель, его башня зловеще маячила над выпуклым церковным кладбищем, и казалось, будто аэростат оторвался от причала и устремился в небеса.

Единственной резкой нотой в этой умиротворяющей сцене был алый фургон, припаркованный на мощеной булыжником дорожке, ведущей к главному входу. Я сразу же признала в нем фургон мистера Гаскинса, церковного сторожа. Рядом на траве под тисами стоял сверкающий черный «хиллман», и его блестящая лакировка сказала мне, что он не принадлежит никому из Бишоп-Лейси.

К западу от церкви, почти скрытый туманом, напротив часовни припарковался синий грузовик. Из его открытого откидного борта торчали пара старых лестниц и партия грязных ветхих досок. Джордж Баттл, подумала я. Деревенский каменщик.

Я резко затормозила и прислонила «Глэдис» к обветшалой усыпальнице некоей Кассандры Коттлстоун, 1685–1750 (точная современница Иоганна Себастьяна Баха, заметила я).

Высеченная в камне и печально поистрепавшаяся, Кассандра лежит на заросшей мхом гробнице с закрытыми глазами, как будто у нее болит голова, пальцы сомкнуты под подбородком, а в уголках рта виднеется легкая самодовольная улыбка. Складывалось впечатление, что она не сильно возражает против того, чтобы быть мертвой.

На основании выбиты слова:

I did dye

And now doe lye

Att churchе's door

For euermore

Pray for mye bodie to sleepe

And my soule to wake [7 - Я умерлаИ теперь покоюсьУ церковной двериВечноМолитесь, чтобы мое тело спало,А моя душа пробудилась.]

Я обратила внимание, что слово «ту» было написано двумя разными вариантами, и припомнила, что Даффи как-то рассказывала мне какую-то древнюю историю о гробнице Коттлстоун. О чем там шла речь?

Мои мысли оказались прерваны звуками голосов на церковном крыльце. Я быстро прошла по траве и вошла внутрь.

- Но право было дано, - говорил викарий. - Пути назад нет. Работа уже в процессе.

- Тогда вы должны остановить ее, - сказал крупный мужчина в темном костюме. Своим бугристым лицом, похожим на картофелину, и гривой белых волос он напоминал швабру, наряженную в лучшую одежду. - Вы должны прекратить это немедленно.

- Мармадьук, - ответил викарий, - епископ заверял меня неоднократно, что не будет... о, Флавия, доброе утро. Ты рано на ногах, так сказать.

Крупный мужчина медленно повернул голову и перевел взгляд своих светлых глаз на мое лицо. Он даже не улыбнулся.

- Доброе утро, викарий! - выпалила я. Излишняя жизнерадостность на рассвете весьма огорчает некоторых людей, и я сразу же поняла, что беловолосый мужчина - один из них. - Прекрасненькое утро, ась? Несмотря на дождь.

Я знала, чтохватила через край, но временами я ничего не могу с собой поделать.

- Ась? - добавила я с ударением.

– Флавия, дорогуша, – сказал викарий. – Как приятно тебя видеть. Я полагаю, ты ищешь мистера Гаскинса. Насчет цветочных корзин, верно? Да, я так и думал. Полагаю, он наверху в колокольне занимается веревками и тому подобным. Нельзя оставлять беспорядок в Страстную пятницу, не так ли?

Цветочные корзины? Викарий включил меня в какую-то маленькую драму собственного сочинения. Какая честь! Я вломилась в неподходящий момент, и он явно хотел от меня избавиться.

Меньшее, что я могла сделать, это подыграть.

– Точно-точно, что ж, я так и подумала. Отец будет так рад, если все лилии будут расставлены как положено.

И с этими словами я, словно юная газель, прыгнула на первую ступеньку крутой винтовой лестницы в башне.

Оказавшись вне поля зрения, я потащила вверх, вспомнив, что старые лестницы в замках и церквях закручиваются по часовой стрелке, когда ты поднимаешься, так что нападавший, взбираясь по ступенькам, вынужден держать меч в левой руке, в то время как защитник, находящийся сверху, может использовать правую, обычно более сильную руку.

Я на секунду повернулась и сделала несколько финтов и выпадов в воображаемого викинга, а может, норманна или даже гота. Когда дело касается разбойников и мародеров, я довольно беспомощна.

– Эй! – крикнула я, становясь в позицию и вытягивая руку с воображаемым мечом. – Ангард и так далее!

– Чтоб мне провалиться, мисс Флавия, – произнес мистер Гаскинс, что-то роняя и прижимая руку к тому месту, где, предположительно, у него колотилось сердце. – Вы меня чертовски напугали.

Боюсь, я не смогла сдержать самодовольную улыбку. Не так легко напугать гробокопателя, особенно такого, который, несмотря на возраст, так же крепко сложен, как моряк. Полагаю, это его бугристые руки, узловатые ладони и кривые

ноги наводили меня на мысли о море.

– Простите, мистер Гаскинс, – сказала я, снимая макинтош и вешая его на крючок для одежды. – Мне следовало свистеть по пути вверх. Что в сундуке?

Древний, выдавший виды деревянный сундук стоял открытым у дальней стены, из него высовывался кусок веревки, который сторож только что бросил – с довольно виноватым видом, подумала я.

– В этом? Ничего особенного. На самом деле всякий хлам. Остался со времен войны.

Я наклонила шею, чтобы заглянуть за его спину.

В сундуке лежали еще несколько кусков веревки, сложенное одеяло, полведро песка, насос в форме буквы U со сгнившей резиновой частью, еще один кусок резины, лопата с прилипшей грязью, черный стальной шлем с белой буквой W и резиновая маска.

– Противогаз, – сказал мистер Гаскинс, поднимая эту штуку и держа на расстоянии вытянутой руки, словно Гамлет череп Йорика. – Во время войны здесь был пост парней из противовоздушной обороны и противопожарных сторожей. Я и сам провел тут немало ночей. В одиночестве. Странные вещи мне доводилось видеть.

Он полностью завладел моим вниманием.

– Например?

– О, знаете ли... загадочные огоньки, плавающие по церковному кладбищу, и всякое такое.

Он что, пытается напугать меня?

– Вы меня дурите, мистер Гаскинс.

– Может, да, мисс... а может, и нет.

Я схватила жуткую пучеглазую маску и натянула ее себе на голову. Она пахла резиной и застарелым потом.

– Смотрите, я осьминог! – сказала я, размахивая щупальцами. Искаженные маской, мои слова звучали как-то вроде: «Шмотрите, я ошминок!»

Мистер Гаскинс стащил эту штуковину с моего лица и бросил обратно в сундук.

– Дети умирали, играя с этими штуками, – сказал он. – Задохались до смерти. Это не игрушка.

Он опустил крышку сундука и, защелкнув медный замок, убрал ключ в карман.

– Вы забыли веревку, – напомнила я.

Бросив на меня взгляд, который, я полагаю, называется прищуренным, он откопал в кармане ключ, открыл замок и достал веревку из сундука.

– И что теперь? – поинтересовалась я, стараясь выглядеть нетерпеливой.

– Лучше вам пойти и заняться своими делами, мисс, – сказал он. – У нас есть работа, и нам не надо, чтобы такие, как вы, путались у нас под ногами.

Что ж!

Обычно тот, кто позволил себе сказать мне что-то подобное в лицо, занял бы верхнюю строчку в моем списке жертв стрихнина. Пара кристаллов в тарелку с обедом – вероятно, смешанных с горчицей на сэндвиче, которая ловко скроет и вкус, и текстуру...

Но постойте! Ведь он же сказал «мы»? Кто эти «мы»?

Бывая в церкви, я знала, что мистер Гаскинс обычно работает в одиночестве. Он зовет помощника, только когда надо поднять что-то тяжелое, например, передвинуть упавшую могильную плиту из тех, что потяжелее, или похоронить кого-то, кто...

– Святой Танкред! – воскликнула я и бросилась к двери.

– Пойдите! – запротестовал мистер Гаскинс. – Не ходите туда!

Но его голос позади был уже почти не слышен, когда я с грохотом неслась вниз по винтовой лестнице.

Святой Танкред! Они открывают могилу Святого Танкреда в усыпальнице и не хотят, чтобы я встревала. Вот почему викарий так резко сменил тему. Поскольку он отправил меня прямо к мистеру Гаскинсу в башню, это не имело никакого смысла, но у него вряд ли было время поразмыслить.

Цветочные корзины, однако! Где-то внизу они уже открывают могилу Святого Танкреда!

Когда я выбежала в вестибюль, там никого не было. Викарий и беловолосый незнакомец исчезли.

Слева от меня был вход в крипту, тяжелая деревянная дверь в готическом стиле, ее изогнутые очертания напоминали неодобрительно выгнутую бровь. Я толкнула ее и тихо пошла вниз по ступенькам.

У подножия лестницы вереница маленьких голых электрических лампочек, временно подвешенных под низким потолком, вела к передней части церкви, и в их неверном желтоватом свете окружающее пространство казалось только темнее.

Я была здесь однажды, играла в прятки с девочками-скаутами Святого Танкреда. Было это, разумеется, до моего бесславного изгнания из их рядов. Тем не менее даже спустя столько времени я не могла не вспоминать Делорму Хиггинсон и то, как много времени потребовалось, чтобы заставить ее замолчать и перестать пускать пену изо рта.

Передо мной во мраке таилась припавшая к земле груда металлолома, служившая в церкви печкой.

Я неловко обошла ее по кругу, не желая поворачиваться к этой штуке спиной.

Изготовленное на предприятии «Дикон и Бромвель» в 1851 году и продемонстрированное на Великой выставке, это знаменитое своей непредсказуемостью чудовище обитает в потрохах Святого Танкреда, напоминая гигантского кальмара, атаковавшего подводную лодку капитана Немо «Наутилус» в «20 000 лье под водой», жестяные щупальца его труб простираются во всех направлениях, а два круглых слюдяных окошка в дверце из кованого железа светятся, будто пара диких злобных глаз.

Дик Плюз, деревенский сантехник, годами питал к зверю то, что викарий именовал «сердечной привязанностью», но даже я знала, что это печальный оптимизм. Дик боялся эту штуковину, и все в Бишоп-Лейси об этом знали.

Иногда во время служб, особенно в периоды долгих пауз, когда мы все сидели на проповеди, по трубам с горячим воздухом поднимался поток коротких слов – слов, которые мы все знали, но притворялись, что нет.

Я содрогнулась и пошла дальше.

Теперь по обе стороны от меня располагались выложенные кирпичом арки. За ними, сложенные, будто вязанки дров, по словам мистера Гаскинса, лежали разложившиеся трупы давно умерших жителей деревни, в том числе изрядное количество усопших де Люсов.

Должна признать, что временами мне очень хотелось вытащить этих моих высохших, похожих на бумагу предков – не просто для того, чтобы увидеть, насколько они похожи на свои потемневшие портреты маслом, до сих пор висевшие в Букшоу, но чтобы доставить себе личное удовольствие от случающейся иногда встречи с трупом.

Только Доггер был в курсе этой моей необычной склонности и убедил меня, что это потому, что при изучении трупов удовольствие от познания превосходит боль.

Аристотель, по его словам, разделял мою привязанность к покойникам.

Старый добрый Доггер! Как он умеет меня успокоить.

Теперь до меня доносились голоса. Я находилась прямо под апсидой.

– Осторожно! – говорил кто-то во мраке передо мной. – Полегче, Томми, дружище.

По стене прыгнула темная тень, словно кто-то включил фонарь.

– Тише! Тише! Где Гаскинс с его чертовой веревкой? Прошу прощения за грубость, викарий.

Силуэт викария вырисовывался в открытом проеме спиной ко мне. Я наклонила голову, чтобы заглянуть за него.

В дальнем конце помещения из стены был практически вынут и повернут в сторону большой прямоугольный камень. Один его конец теперь покоился на деревянных козлах, а второй держался на краю нижнего камня. Под камнем виднелась пара дюймов холодной темноты.

Четверо рабочих – все незнакомцы, кроме Джорджа Баттла, – стояли наготове.

Подойдя для ближайшего рассмотрения, я наткнулась на локоть викария.

– Боже мой, Флавия! – изумленно воскликнул викарий, его глаза казались в холодном свете огромными. – Я чуть богу душу не отдал от страха, дорогая моя! Я не знал, что ты здесь. Тебе не следует тут находиться. Слишком опасно. Если твой отец об этом услышит, он мне голову оторвет.

В моих мыслях промелькнул Святой Иоанн Креститель.

– Простите, викарий, – сказала я. – Я не хотела вас напугать. Просто, поскольку меня называли в честь Святого Танкреда, я хотела быть первой, кто увидит его благословенные старые кости.

Викарий безучастно смотрел на меня.

– Флавия Танкреда де Люс, – напомнила я ему, добавляя в свой голос чуток фальшивого почтения, скромно скрестив руки на груди и потупив глаза:

приемчик, который я подсмотрела у Фели во время молитв.

Викарий долго молчал, а потом тихо хихикнул.

– Ты мне голову морочишь, – сказал он. – Я точно помню церемонию твоего крещения. Флавия Сабина де Люс – вот как мы тебя нарекли во имя Отца, Сына и Святого духа, аминь, и Флавией Сабиной де Люс ты останешься – разумеется, до тех пор, пока не решишь связать себя священными узами брака, как твоя сестра Офелия.

Моя челюсть отвисла до пола.

– Фели?

– О боже, – сказал викарий. – Боюсь, я проболтался.

Фели? Моя сестра Фели? Решила связать себя священными узами брака?

Едва могу поверить в это!

Кто же он? Нед Кроппер, мальчик на побегушках из «Тринадцати селезней», чьи представления об ухаживаниях выражаются в том, чтобы оставлять заплесневелые сласти на нашем кухонном крыльце? Карл Пендрака, американец-военнослужащий, желающий показать Фели достопримечательности Сент-Луиса, штат Миссури? («Карл собирается показать мне, как Стэн Мьюжл[8 - Стэн Мьюжл (род. 1921) – легендарный американский бейсболист.] подает мяч».) Или это Дитер Шранц, бывший немецкий военнопленный, решивший остаться в Англии и работать на ферме, пока он не сможет преподавать английским школьникам «Гордость и предубеждение». И еще, разумеется, есть детектив-сержант Грейвс, молодой полицейский, который всегда теряет дар речи и бурно краснеет в присутствии моей вялой сестрицы.

Но не успела я одолеть викария дальнейшими расспросами, как и в без того переполненное помещение впихнулся мистер Гаскинс с веревкой в руке и с фонарем, отбрасывающим диковинные колеблющиеся тени.

– Дорогу! Дорогу! – пробормотал он, и рабочие расступились, плотно прижимаясь к стенам.

Вместо того чтобы выйти из помещения, я воспользовалась возможностью проникнуть внутрь, так что к тому моменту, как мистер Гаскинс зафиксировал веревку на наружном конце камня, я вклинилась в дальний угол. Отсюда у меня будет лучший обзор на происходящее.

Я глянула на викария, казалось, забывшего о моем присутствии. Его лицо напряглось в свете маленьких колеблющихся лампочек.

Что там сказал этот Мармадьюк, мужчина в темном костюме? «Вы должны остановить это. Вы должны прекратить это немедленно».

Очевидно, что, несмотря на Мармадьюка, кем бы он ни был, работа продолжается.

– Где же ваш приятель? – внезапно спросил мистер Гаскинс, на минуту оторвавшись от своей работы, и его слова странным эхом отразились от арочного потолка крипты. – Я думал, он хочет присутствовать при главном событии?

– Мистер Сауэрби? – уточнил викарий. – Я не знаю. Очень непохоже на него – опаздывать. Возможно, нам следует немного подождать.

– Этот камень никого не ждет, – сказал мистер Гаскинс. – У этого камня свои резоны, и он собирается выйти наружу, нравится нам это или нет.

Он ласково потрепал огромную глыбу, и та жутко застонала, как будто от боли.

– Он висит на кончиках пальцев, и все тут. Кроме того, Норману и Томми надо возвращаться в Мальден-Фенвик, не так ли, парни? Они пришли сюда работать, и они будут работать.

Он широко махнул в сторону рабочих, один из которых был чрезвычайно рослым, а второй ничем особенным не выделялся.

Внизу в глубинах крипты мистер Гаскинс был правителем своего собственного мрачного королевства, и никто не осмеливался возвысить против него голос.

– Кроме того, – добавил он, – это только стена. Мы не попадем к саркофагу, пока не пройдем сквозь нее. Зафиксируй веревку, Томми.

Когда Томми обвязал веревку вокруг каменного выступа, мистер Гаскинс обратил внимание на меня. В этот ужасный миг я подумала, что он непременно меня выгонит вон. Но ему была нужна публика.

– Саркофаг, – сказал он. – Саркофаг. Вот вам редкое словечко. Но вы не знаете, что оно означает, мисс?

– Оно происходит от двух греческих слов и означает «пожиратель плоти», – ответила я. – Древние греки делали их из особого камня, привозимого из турецкого города Ассос, поскольку считалось, что он поглощает тело целиком, за исключением зубов, за сорок дней.

Хотя я делаю это нечасто, я вознесла безмолвную благодарственную молитву сестрице Даффи, прочитавшей мне вслух этот занимательный отрывок из какого-то черного, как гроб, тома энциклопедии в библиотеке Букшоу.

– Ага! – сказал мистер Гаскинс, как будто знал все это с самого начала. – Что ж, теперь мы это знаем из уст младенца.

Не успела я оскорбиться, как он сильно дернул за веревку.

Ничего не произошло.

– Помоги мне, Норман. Томми, толкни камень с другого конца, посмотрим, сможем ли мы его вытащить.

Но, несмотря на их попытки, камень не шелохнулся.

– Похоже, он застрял, – предположил викарий.

– Застрял – неподходящее слово, – сказал мистер Гаскинс. – Он хорошенько и чертовски...

– У кое-кого слишком длинные уши, – перебил его викарий, поднося указательный палец к губам и делая почти неуловимый кивок в моем направлении.

– Что-то его держит, вот что. Давайте-ка посмотрим.

Мистер Гаскинс уронил конец веревки и забрал фонарь у Томми.

Держа лампу почти у самой линзы, он придвинул лицо к расщелине.

– Ничего, – наконец объявил он. – Надо расширить посильнее.

– Не надо, пустите меня, – сказала я, забирая у него фонарь. – Моя голова меньше вашей. Я скажу вам, что там увижу.

Я думаю, они так были ошарашены моей инициативой, что никто даже не попытался меня остановить.

Моя голова легко проскользнула в отверстие, и, как акробатка, я маневрировала фонарем, пока он не осветил гробницу из положения над моей головой.

Холодный влажный сквозняк дунул мне в лицо, и я сморщила нос от резкого тошнотворного запаха застарелого разложения.

Я смотрела в маленькую каменную комнату, вероятно, семи футов в длину и трех в ширину. Первое, что я увидела, была человеческая рука, ее иссохшие пальцы крепко сжимали осколки стеклянной пробирки. А потом лицо – жуткую нечеловеческую маску с огромными уставившимися на меня пластиковыми глазами и резиновым пороссячим рылом.

Под этим красовались белые кружева, не до конца прикрывавшие почерневшие сосуды на горле. Над глазами виднелась копна вьющихся золотистых волос.

Более чем определенно – это не тело Святого Танкреда.

Я убрала фонарь, вытащила голову из щели и медленно повернулась к викарию.

- Полагаю, мы нашли мистера Колликута, - объявила я.

4

Разумеется, я узнала его по волосам. Сколько воскресных дней я наблюдала, как Фели скачет галопом по проходу, чтобы занять место на скамье в первом ряду, откуда у нее будет возможность в полной мере любоваться золотистыми локонами мистера Колликута.

Восседающий на органной скамье в белом стихаре, с головой, озаренной светом утреннего солнца, проливающимся сквозь витражное стекло, он часто казался ожившим херувимом Боттичелли.

И он знал об этом.

Я вспомнила, как он встряхивал головой и пробегал всеми десятью пальцами по золотистым локонам, перед тем как наброситься на клавиши и взять вступительный аккорд псалма. Фели однажды сказала мне, что мистер Колликут напоминает ей Франца Листа. Говорят, сказала она, в сувенирных шкатулках недавно умерших старых леди еще находили окурки сигар, которые курил в прошлом столетии Франц Лист. Я собиралась было провести обыск среди вещей Фели, чтобы проверить, не хранит ли она тайно пробковые кончики «Крейвен-Эй»[9 - «Крейвен-Эй» - марка сигарет, названных в честь Джорджа Крейвена, третьего графа Крейвена и особенно популярная во время Второй мировой войны. Отличались тем, что у них вместо фильтра был кусочек пробки.] мистера Колликута, но эта идея ускользнула из моей памяти.

Все это пролетело в моей голове, пока я ждала, когда мужчины расширят расщелину и подтвердят мое открытие.

Не то чтобы я не была шокирована, разумеется.

Умер ли мистер Колликут от того, что я загибала пальцы, считая трупы? Стал ли он жертвой некоей мрачной и неожиданной магии?

Прекрати немедленно, Флавия! – Одернула я себя. – Этот человек явно был мертв задолго до того, как ты искушала судьбу подсунуть тебе еще один труп.

Тем не менее, он мертв. Чего тут ходить вокруг да около.

В то время как часть меня хотела расплакаться из-за гибели золотоволосого прекрасного принца Фели, другая моя часть – часть, которую я не до конца понимала, – жадно пробуждалась от глубокого сна.

Меня разрывали на части отвращение и удовольствие – все равно что пробовать одновременно уксус и сахар.

Но удовольствие в таких случаях всегда побеждает. Одной левой.

Скрытая часть меня пробуждалась к жизни.

Тем временем рабочие принесли кучу прочных досок, чтобы с их помощью выдвинуть тяжелый камень, а также использовать их как пандус, по которому камень можно перетащить на пол.

– Легче, легче, – командовал мистер Гаскинс. – Мы же не хотим его раздавить, верно?

В компании трупа мистер Гаскинс чувствовал себя как дома.

Наконец, после продолжительного скрипа и пары проклятий, камень убрали и внутренности склепа стали доступны взгляду.

В дрожащем свете противогаз, надетый на лицо трупа, жутко поблескивал, как умеет только мокрая резина.

– О боже! – произнес викарий. – О боже. Лучше мне позвонить констеблю Линнету.

– Не особенно срочное дело, я бы сказал, – заметил мистер Гаскинс, – судя по его запаху.

Слова грубые, но верные. Я в точности знала по своим собственным химическим исследованиям о процессе, происходящем, когда человеческое тело после смерти переваривает само себя, и мистер Колликут далеко зашел по этому пути.

Томми и Норман уже достали носовые платки и прижали их к носам.

– Но перед тем, как я это сделаю, – продолжил викарий, – я прошу всех вас присоединиться ко мне в короткой молитве об этом очень – очень... эээ... несчастливом человеке.

Мы склонили головы.

– О Господь, прими душу верного раба твоего, которого постигло ужасное несчастье в странном месте.

Странное место, это уж точно! Хотя я бы так не сказала...

– И, вероятно, это было страшно, – добавил викарий после паузы, во время которой подыскивал должные слова. – Даруй ему, молим мы тебя, вечный мир и вечную жизнь. Аминь.

– Аминь, – тихо повторила я.

Я чуть не перекрестилась, но поборола этот порыв. Хотя наша семья покровительствует Святому Танкреду, потому что викарий – лучший друг отца, мы, де Люсы, как Даффи любила говаривать, были католиками так долго, что иногда называли святого Петра «дядюшкой Питом» и благословенную Деву Марию «кузиной Мэри».

– Флавия, дорогуша, – обратился ко мне викарий, – я буду тебе обязан, если ты сходишь наверх и поможешь мне разобраться с властями. Ты лучше разбираешься в этих делах, чем я.

Это правда. В прошлом случалось, что я указывала полиции верное направление, когда они оказывались в безнадежном тупике.

– С удовольствием, мистер Ричардсон, – ответила я.

На этот момент я увидела все, что хотела.

Снаружи шел дождь, и мы с викарием стояли бок о бок на крыльце, внезапно лишившись дара речи из-за того, чему только что стали свидетелями.

Полиция, прибывшая в знакомом синем «воксхолле», изображала полнейшее бесстрашие. Инспектор Хьюитт, выйдя из машины, одарил меня коротким кивком и подобием улыбки. Детективы-сержанты Вулмер и Грейвс были в своем репертуаре: Вулмер – будто большой угрюмый медведь в посудной лавке («воксхолл» ощутимо застонал от облегчения, когда он неуклюже выбрался наружу!), а Грейвс, молодой, светловолосый и с ямочками, улыбался мне во весь рот. Как я уже говорила, сержант Грейвс по уши втрескался в Фели, и по разным причинам я надеюсь, что это он сопроводит божественную Офелию (ха-ха! простите меня за смех!) к алтарю. Еще один детектив в семье даст нам темы для разговора длинными зимними вечерами, думала я. Кишки, кровь и чай «Тетли».

Сержант Вулмер едва взглянул на меня, доставая фотоаппарат из багажника. Я отвернулась и мило кивнула сержанту Грейвсу, который нес знакомый чемоданчик.

– Собираетесь взять пальчики, не так ли? – кротко поинтересовалась я, показывая, что помню его специализацию – отпечатки пальцев.

Сержант мило покраснел, хотя я всего лишь сестра Фели.

Как Санта-Клаус из американского стишка, они не произнесли ни слова, сразу же принявшись за работу. Гуськом взошли на крыльцо и направились в склеп, оставив меня и викария стоять в дверях.

– Как давно он пропал? Имею в виду мистера Колликута.

– Пропал?

Хотя викарий сам позвонил в полицию, он еще не вполне осознал ситуацию.

– На самом деле мы не думали, что он пропал. Думали, он просто покинул нас. О боже мой! Не самое подходящее слово.

Я ничего не сказала: полезный приемчик, почерпнутый мной из общения с инспектором Хьюиттом.

– Миссис Баттл сказала, что в тот последний день он спустился к завтраку, как обычно. Съел один тост. Очень заботился о фигуре. Должен был поддерживать талию в форме для игры на органе, педали, то-се. Боже мой! Я сплетничаю!

– Когда это точно было? – спросила я с таким видом, будто знала, но забыла.

– Во вторник перед Прощеным воскресеньем, насколько я помню, – ответил викарий.

– Примерно шесть недель назад, – быстро прикинула я.

– Да. Во вторник на Масленной неделе.

– В день, когда пекут блины. – Я сухо сглотнула, припомнив тарелку с резиновыми плоскими крышками, которую миссис Мюллет поставила перед нами в то злосчастное утро.

– Точно. Накануне Пепельной среды он должен был отвезти мисс Танти в Хинли на офтальмологический осмотр.

Мисс Танти, солистка хора, в прошлом была школьной учительницей музыки, и ее мощное телосложение и сильные очки делали ее похожей на древний омнибус с огромными ацетиленовыми фарами, несущийся вам навстречу по узкой деревенской дорожке.

Ее голос всегда можно слышать во время «Магнификата», когда она перекрывает остальной хор: «Величит душа моя Господа...»

В мисс Танти все преувеличено.

И ее великолепное сопрано, и ее взгляд сквозь стекла толщиной с доньшко бутылки вызывают у человека ледяные мурашки по всему телу.

– Когда в девять пятнадцать он еще не приехал, – продолжал викарий, – она позвонила миссис Баттл, и ее племянница Флоренс ответила, что он вышел из дома ровно в восемь тридцать.

– И никто не сообщил о его исчезновении?

– Нет. Вот в чем дело. Криспин, то есть мистер Колликот, очень часто участвовал в различных музыкальных фестивалях, поэтому в будние дни он редко бывал дома. «Вы изрядно сэкономите на селедке и капусте», – сказал он миссис Баттл, когда она приняла его в качестве жильца. И он сделал еще очень странное замечание насчет... Но я больше ничего не скажу. Синтия вечно твердит мне, что я склонен к болтовне, и боюсь, она права.

Синтия Ричардсон, жена викария, – это эквивалент оспы в Бишоп-Лейси, но я не позволю этой мысли сбить меня с пути.

– А кто этот мужчина с белыми волосами? – спросила я, резко меняя тему. – С которым вы разговаривали на крыльце.

Лицо викария омрачила тень.

– Мармадьук Парр, – ответил он. – Из епископата. Он работает у епископа...

– Наемным убийцей! – выпалила я. Я узнала о наемных убийцах, слушая шоу детектива Филипа Оделла на радио: «Дело о медном кексе».

– ...секретарем, – договорил викарий, пытаюсь не улыбнуться в ответ на мою шуточку. – Хотя я должен признать, что Мармадьук довольно... как бы это сказать... решительный тип.

– Он не хочет, чтобы открыли гробницу святого Танкреда, верно? Он приказал вам остановиться.

Но не успел викарий ответить, как перед нами предстал констебль Линнет, рука закона в Бишоп-Лейси. Он въехал на тропинку и соскочил с велосипеда прямо перед нами так ловко, как шериф в кино спешивается с лошади. Прислонил велосипед к тису, открыл блокнот и лизнул кончик карандаша.

Ну вот опять, – подумала я.

Констебль начал с того, что поинтересовался нашими полными именами и адресами. Хотя он прекрасно знал то и другое, для его начальства было важно, чтобы он вел записи безупречно – даже если делал это карандашом.

– Оставайтесь здесь, ладно, – сказал он, расстегивая нагрудный карман формы и убирая блокнот. С официальным видом ткнул в нас указательным пальцем и скрылся в церкви.

– Бедолага Криспин, – промолвил викарий после очень долгого молчания, как будто размышлял вслух. – И бедняжка Альберта Мун. Она будет в отчаянии, просто в отчаянии.

– Альберта Мун? – уточнила я. – Преподавательница музыки в школе Святой Агаты?

Однажды я слышала, как мисс Мун играла сонату Шуберта на деревенском концерте, и должна сказать, что ей до Фели, как до луны.

Викарий мрачно кивнул, и в этот самый момент констебль Линнет снова появился в дверях.

– Под землю, – скомандовал он, тыкая большим пальцем вниз с таким видом, с каким римский император объявлял поверженному гладиатору печальное известие. – Инспектор Хьюитт хочет задать вам пару вопросов. В склепе.

Инспектор стоял, обхватив подбородок рукой и вытянув указательный палец вдоль щеки. В сумраке гробницы он очень напомнил мне Джона Миллса[10 - Джон Миллс (1908–2005) – известный английский актер, снявшийся за 70 лет своей кинокарьеры в 120 фильмах, лауреат премии Оскара за лучшую роль второго плана в фильме «Дочь Райана» (1970).], подумала я, хотя я никогда не скажу это ему в лицо.

Скорбные останки мистера Колликута каждые несколько секунд освещались слепящей вспышкой фотокамеры сержанта Вулмера.

– Кто обнаружил тело? – спросил инспектор, и его вопрос показался мне очень уместным для начала.

– Эээ... Флавия, – сказал викарий, кладя руку мне на плечо жестом защиты. – То есть мисс де Люс.

– Мне следовало догадаться, – заметил инспектор.

И потом случилось чудо. Пока викарий с неловкостью взглянул на останки мистера Колликута, инспектор медленно закрыл и открыл правый глаз, так что это заметила только я.

Он мне подмигнул! Инспектор Хьюитт подмигнул мне!

Где-то зазвонили церковные колокола. Где-то пушки издали торжественный салют. Где-то в темном небе вспыхнули сумасшедшие фейерверки.

Но я их не услышала: мой слух заглушил шум собственной крови.

Инспектор Хьюитт и правда мне подмигнул!

Но постойте-ка...

Теперь он потер глаз, оттянул нижнее веко и начал что-то изучать на пальце – вероятно, частичку мусора.

Тысяча проклятий!

Это просто частичка могильной пыли или останков какого-нибудь древнего обитателя Бишоп-Лейси – может, даже моего предка.

Я посмотрела на инспектора с видом профессиональной озабоченности и протянула свой носовой платок.

– Благодарю, – ответил он. – У меня есть.

Затем он продолжил, как будто ничего не случилось:

– Теперь опиши мне все, что происходило, с самого начала, с того момента, как ты приехала на церковное кладбище сегодня утром.

Так я и сделала: рассказала ему о фургоне на кладбище, о викарии и Мармадьюке Парре на крыльце, мистере Гаскинсе в башне, Джордже Баттле, Нормане и Томми и других рабочих в склепе. Я поведала ему, как вынимали камень и о том, как я сунула нос в отверстие за ним. Единственной деталью, которую я упустила, был деревянный сундук, склонившимся над которым я застала мистера Гаскинса.

В конце концов, должна же я позволить бедняге хоть что-то обнаружить самостоятельно.

– Благодарю, – произнес инспектор, когда я закончила. – Если что-то понадобится, я пришлю кого-нибудь в Букшоу.

Всего лишь пару месяцев назад я бы рвала и метала от того, что меня так резко отстраняют. Но кое-что изменилось. Я узнала, хоть и немного, о жене инспектора Антигоне и их семейных трагедиях.

– Ладно, – ответила я. – Всего хорошего!

Думаю, я закончила на правильной ноте.

«Глэдис» ждала меня в траве, и она радостно скрипнула, когда я ухватилась за руль и тронулась в путь.

Когда мы понеслись домой, еще не закончилось время завтрака, и я насвистывала «Землю надежды и славы», а «Глэдис» позвякивала в такт цепью.

5

Только почти добравшись до дома – на самом деле только миновав каменных грифонов на воротах Малфорда, – я осознала, что упустила две важные вещи. Первая – это вопрос о летучей мыши и о том, как она проникла в церковь. Вторая: если в склепе лежат останки мистера Колликута, где же тогда сам святой Танкред?

Когда в конце длинной каштановой аллеи показался Букшоу, до меня дошло, что я вымокла до нитки. Утренний туман постепенно и почти незаметно, как это любят английские туманы, превратился в морозящий дождь. Я оставила свой макинтош в башне, и теперь мои кардиган, блузка, юбка и носки приклеились к телу, как пропитанные водой банные губки.

«Глэдис» тоже была покрыта комьями и потеками дорожной грязи.

– Нам надо принять ванну, старушка, – сказала я ей, когда мы хрустели по гравии, подъезжая к парадной двери.

Я знала, что отец, Даффи и Фели еще завтракают. Я не могла прокатить «Глэдис» через вестибюль, потому что она слишком грязная, а вход через кухню, по крайней мере в это время дня, находится под контролем миссис Мюллет.

Я приложила палец к губам и безмолвно повела «Глэдис» за угол и вдоль восточной стены дома, остановив ее прямо под окном моей спальни.

– Жди здесь. Я разведу территорию, – прошептала я.

Я юркнула обратно к фасаду дома и тихо прокралась в вестибюль.

Не стоило беспокоиться. Из столовой доносились привычные звуки завтрака. Отец, как всегда, штудирует последние выпуски филателистических газет,

Даффи уткнулась носом в «Монаха», которого Карл Пендрака подарил ей на Рождество. Я не могла не подумать о том, что у него были какие-то тайные мотивы.

Он пытается заручиться ее поддержкой, чтобы просить руки Фели? Или Даффи – его запасной вариант? В свои тринадцать Даффи была еще слишком молода для ухаживаний, но у американцев намного больше терпения, чем у нас, британцев, которые после шести лет войны хотят все и сразу, по крайней мере, как говорит Кларенс Мунди, водитель единственного такси в Бишоп-Лейси. Кларенс поделился этой информацией, когда отвозил нас с миссис Мюллет в Хинли купить новую медную печку взамен старой, которую я испортила химическим экспериментом по консервированию лягушачьих шкур.

«Невесты войны! – сказал он. – Вот и все, о чем сейчас думают американцы, – найти себе невесту войны. Если они будут так продолжать и дальше, нашим рабочим парням никого не останется».

«Эт’ все бомбы, – ответила миссис Мюллет. – Вот что г’рит мой Альф. Все их боятся с тех пор, как они сбросили бомбы».

«Ммм», – пробурчал Кларенс, перед тем как погрузиться в молчание.

Я на цыпочках протопала вверх по лестнице в восточное крыло, где расположены моя лаборатория и спальня. Все спальни в Букшоу – это огромные, продуваемые ветрами пустоши, больше подходящие для роли самолетных ангаров, чем для сладких снов, и моя спальня – яркое подтверждение этого.

Восточная часть дома вообще большей частью покинута: неотопливаемые просторы, потрескавшиеся полы, пустые невидящие окна, отклеивающиеся обои, запах плесени и вечные сквозняки делают ее идеальным местом для одиночества. Я сама выбрала это место для уединения и покоя.

Я сняла простыни со своей кровати и, связав их с парочкой старых одеял, быстро соорудила импровизированную веревку с большой петлей на одном конце.

Распахнув окно, я опустила веревку так, чтобы зацепить «Глэдис» за руль.

– Осторожненько... осторожненько! – шептала я, аккуратно подтягивая ее вдоль стены и затаскивая в комнату.

Не успели бы вы произнести «цианид», как «Глэдис» уже стояла, прислонившись к моей кровати, еще подрагивая после подъема, но радуясь возвращению домой.

Я завела граммофон, выкопала из груды пластинок под кроватью Whistle While You Work[11 - «Свисти за работой» – песенка из диснеевского мультфильма 1939 года «Белоснежка и семь гномов».] и поставила иголку на бороздки.

Принеся ведро воды из лаборатории, я частично наполнила жестяную сидячую ванну и начала драить «Глэдис» мочалкой. Труднодоступные места я прочистила зубной щеткой.

Моя «Глэдис» очень боится щекотки, хоть и не признается в этом. Не та это слабость, в которой хочется признаваться. Я до сих пор вздрагиваю при воспоминании о том, как Даффи и Фели меня щекотали, пока у меня пена изо рта не пошла.

– Успокойся, – сказала я. – Это всего лишь кабанья щетина.

Я быстренько отполировала ее фланелевой пижамой, пока она не заблестела.

– Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла, – напевала я за работой, даже умудряясь сохранять подобие мелодии.

Я – восьмой гном.

Хитрый.

Доделав грязную работу, я подышала на металлические части «Глэдис», еще пополировала их и отступила назад полюбоваться на дело рук своих.

– Годится, – сказала я.

Я прополоскала простыни в ведре чистой воды, выжала и развесила сушиться длинными петлями от рамы портрета Джозефа Пристли до люстры.

Быстро сполоснувшись в раковине, я надела чистую одежду, расчесалась, почистила зубы и спустилась к завтраку.

– Всем доброе утро, – сонным голосом сказала я, потирая глаза.

Не стоило и утруждаться. Фели уставилась в чашку с чаем, любуясь своим отражением. Она пьет чай только пустым, «без сливок, будьте добры», чтобы лучше видеть свое отражение на поблескивающей жидкой поверхности. Сейчас она аккуратно дула на чай, чтобы увидеть, как она будет выглядеть с волнистыми волосами.

Даффи погрузилась в чтение книги, оперев ее на подставку для тостов и вытирая липкие пальцы о юбку перед тем, как перевернуть страницу.

Я подняла крышку с тарелки и принялась изучать ее довольно жуткое содержимое: несколько ломтиков подгоревшего бекона, парочка копченых селедочек, маленькая горка комковатого омлета и нечто, напоминающее пучок вареного вьюнка.

Я потянулась за последним остывшим тостом.

– Намажь на него немножко мармелада из пастернака, – предложила миссис Мюллет, торопливо входя в комнату. – Сестра Альфа выращивает его в своем огороде. Нет ничего более полезного для груди, чем пастернак, говорит Альф.

– Я не хочу, чтобы у меня на груди выросли волосы, – сказала я. – Кроме того, у Даффи их достаточно на всех нас.

Даффи сделала неприличный жест.

– Так когда же свадьба? – жизнерадостно поинтересовалась я.

Фели вытянула голову, словно свинья при звуке помоев, льющихся в корыто.

Ее вопль зародился где-то в глубине горла и протрубил воздушной тревогой.

- Отееееееец!

Потом он угас и сменился слезами. Меня всегда завораживало, как моя сестра превращается из королевы красоты в ведьму, не успеешь и глазом моргнуть.

Отец сложил газету, снял очки, снова их надел и уставился на меня леденящим фирменным взглядом голубых глаз де Люсов.

- Где ты узнала эту информацию, Флавия? - спросил он антарктически холодным голосом.

- Она подслушивает у замочных скважин! - сказала Фели. - Она вечно подслушивает под дверью!

- Или у решеток обогревателей, - добавила Даффи, на минуту оторвавшись от «Монаха».

- Ну и? - переспросил отец голосом, холодным, как сосулька.

- Я просто предположила, - сказала я, шевеля мозгами быстрее обычного, - что теперь, когда ей исполнилось восемнадцать...

Отец всегда говорил, что ни одна его дочь не выйдет замуж, пока ей не стукнет хотя бы восемнадцать, и даже тогда...

День рождения Фели был недавно, в январе.

Как я могла забыть?

Чтобы отпраздновать это событие, я спланировала небольшой фейерверк в доме: просто несколько шутих, честно, и парочка веселых разноцветных ракет. Я разослала всем в доме написанные от руки приглашения и с затаенной радостью наблюдала, обхватив себя руками, как каждый брал адресованное ему письмо с подноса для почты в вестибюле, открывал и затем откладывал в сторону, не говоря ни слова.

Потом я развесила серию сделанных вручную рекламных плакатов в стратегических местах по всему дому.

В тот самый день я расставила пять деревянных стульев в ряд: для отца, Фели, Даффи и рядышком для миссис Мюллет и Доггера.

Я приготовила свои химикалии. Назначенное время пришло и минуло.

«Они не придут, Доггер», – сказала я после двадцатиминутного ожидания.

«Позвать их, мисс Флавия?» – спросил Доггер. Он тихо сидел на стуле, держа наготове бутылку сельтерской минералки на случай небольших пожаров.

«Нет!» – сказала я слишком громко.

«Вероятно, они забыли», – предположил Доггер.

«Нет, не забыли. Им наплевать».

«Вы можете показать представление мне, – через некоторое время предложил Доггер. – Я всегда ценил славные фейерверки в гостиной».

«Нет! – закричала я. – Все отменяется!»

Как горько мне довелось пожалеть об этом со временем.

– И что? – повторил отец, возвращая меня к настоящему.

– Что ж, теперь, когда ей исполнилось восемнадцать, – продолжила я, – это естественно, что... что ее мысли должны были свернуть... в матримониальное русло! – торжественно договорила я.

Фели, прикрывшись книгой, хихикнула.

– Никто не должен был знать! – застонала Фели, театрально вцепившись себе в волосы. – Особенно ты! Черт бы тебя побрал! Теперь об этом узнает вся деревня!

– Офелия... – произнес отец без особого волнения.

– Ну да, это правда! Мы хотели объявить об этом на пасху. Единственный вариант, как ты могла об этом узнать, если ты не подслушивала, это от викария. Точно! Тебе сказал викарий! Я видела, как ты пробралась в вестибюль час назад, и только не говори, что нет! Ты была в церкви и выпытала все у викария, верно? Мне следовало бы догадаться. Мне следовало бы догадаться!

– Офелия...

Когда моя сестра заводится, можно брать стул и садиться. Я, конечно же, не хотела, чтобы вина пала на преподобного Ричардсона. Его жизнь и так трудна, Синтия и все такое.

– Ты маленькая тварь! – кричала Фели. – Ты грязная маленькая тварь!

Отец встал из-за стола и вышел из комнаты. Даффи, любившая старую добрую ссору, но ненавидевшая скандалы, последовала за ним.

Я осталась с Фели наедине.

С минуту я посидела, наслаждаясь ее покрасневшимся лицом и выпученными глазами. Нечасто она позволяла себе так распуститься.

Хотя мне хотелось наказать ее, я не желала быть тем человеком, который вывалит на нее новость о несчастном мистере Колликите.

Ладно, на самом деле я желала, но я не хотела, чтобы меня обвинили в том, что я разрушила ее мир.

– Ты права, – услышала я сама себя. – Я была в церкви этим утром. Я пришла рано, чтобы помолиться, и просто оказалась там в то время, когда обнаружили тело мистера Колликута.

Это проучит тебя за то, что обвиняешь меня в подслушивании у замочных скважин, – подумала я.

– Мистера Колликута? Тело?

Она вскочила на ноги, опрокинув чайник на пол.

– Боюсь, что да, – сказала я. – В склепе. С противогазом на голове. В высшей степени необычно.

С поистине ужасающим воплем Фели вылетела из комнаты.

Я последовала за ней вверх по лестнице.

– Прости, Фели, – мягко окликнула ее я, постучав в дверь. – Это само вырвалось.

Деревянные панели приглушали ее рыдания. Как долго она сможет сопротивляться желанию узнать кровавые подробности? Придется подождать.

– Я знаю, ты расстроена, но только подумай, как это воспримет Альберта Мун.

Долгие захлебывающиеся рыдания резко оборвались икотой.

Я услышала шаги туфель по ковру и поворот ключа. Дверь распахнулась, и появилась Фели, мокрая и опустошенная.

– Альберта Мун? – переспросила она, поднеся руку ко рту.

Я печально кивнула.

– Лучшепусти меня, – сказала я. – Это длинная история.

Фели бросилась на кровать лицом вниз.

– Расскажи мне все. С самого начала.

Довольно странно, она использовала почти те же слова, что инспектор Хьюитт, и я рассказала ей, так же, как и ему, свою захватывающую историю, опустив только те самые существенные моменты, которые я хотела приберечь для себя.

– Противогаз, – всхлипнула она, когда я закончила. – Почему, во имя неба, на нем был противогаз?

Я пожала плечами.

– Не знаю, – ответила я.

На самом деле я знала – или, по крайней мере, догадывалась.

За последние восемь-девять месяцев я провела изрядное количество часов, корпя над страницами «Принципов и практики медицинской юриспруденции» Тейлора[12 - Альфред Суэйн Тейлор (1806–1880) – английский токсиколог, автор многих научных трудов, прозванный отцом британской судебной медицины.], проиллюстрированные фотографиями тома которой мне посчастливилось обнаружить на верхней полке бесплатной библиотеки Бишоп-Лейси, где они были спрятаны. Благодаря выдающемуся подарку удачи они были примерно такого же размера, как «Остров приключений», «Замок приключений» и «Море приключений» Энид Блайтон[13 - Энид Блайтон (1897–1968) – знаменитая английская писательница, автор детских и юношеских романов, переведенных на 90 языков, в том числе на русский. Ее юные смысленные героини-сыщицы – явно прообраз Флавии де Люс.], так что я, ловко поменяв суперобложки, смогла вволю изучить их в закутке читального зала.

– Боже мой, Флавия! – сказала мисс Пикери, главная библиотекарьша. – Да ты книжный червь, верно?

Если бы она только знала.

– Может быть, произошла утечка газа, – приглушенным подушкой голосом сказала Фели. – Может, он пытался спастись от испарений.

– Может быть, – уклончиво сказала я.

Хотя утечка одноокси углерода из подвального церковного монстра была вероятна, проблема заключалась вот в чем: поскольку этот газ без запаха, без цвета и без вкуса, как мистер Колликут мог его обнаружить?

И маловероятно, что спустя шесть недель в том, что осталось от его крови, найдутся хоть какие-то поддающиеся измерению следы этого вещества. В случаях отравления одноокисью углерода, как я хорошо знала, газ (СО) связывается с гемоглобином в крови, замещая кислород, который тот разносит по клеткам тела, и жертва умирает от простого удушья. Пока человек жив (если его, конечно, вытащат из отравляющей атмосферы), одноокись углерода довольно быстро выводится из крови, и кислород пополняется благодаря дыханию.

Трупы – совсем другой коленкор. Поскольку дыхание прекращается, одноокись углерода остается в теле на довольно продолжительный промежуток времени. И правда, хорошо известный факт, что одноокись можно обнаружить в газах, испускаемых трупом, который мертв уже несколько месяцев.

Не имея легкого доступа к крови или внутренним органам покойного мистера Колликута, я просто не могу быть уверена. Даже если бы под его телом осталась лужа крови, газ давно бы уже улетучился под действием воздуха в гробнице, каким бы вонючим тот ни был.

Я вспомнила тот момент, когда я сунула лицо в бездну, – волну холодного резкого запаха гниения, устремившегося в мои ноздри.

– Эврика! – воскликнула я, не в силах сдержаться.

– Что такое? – спросила Фели. Она тоже не смогла сдержаться.

– Летучая мышь в органе! – возбужденно сказала я. – Она как-то попала в церковь. Готова поспорить, что какое-то окно разбито! Как ты думаешь, Фели?

Моя отговорка была не особенно оригинальной, но это было лучшее, что я смогла придумать так быстро.

Хорошо, что она не может читать мои мысли. На самом деле я думала вот о чем: порыв холодного ветра из якобы запечатанного склепа напомнил мне о словах Даффи касательно стихотворения на надгробии Кассандры Коттлстоун.

I did dye

And now doe lye

Att churchе's door

For euermore

Pray for mye bodie to aleepe

And my soule to wake[14 - Я умерлаИ теперь покоюсьУ церковной двериВечно.Молитесь, чтобы мое тело спало,А моя душа пробудилась.]

«Она лежит у порога церкви, – сказала Даффи, – потому что была самоубийцей. Вот почему ее не похоронили с остальными Коттлстоунами в склепе. По правилам ее и вовсе нельзя было хоронить на церковном кладбище, но ее отец был членом городского магистрата и мог перевернуть землю и небо, что он и сделал».

На секунду я вспомнила о бедном мистере Твайнинге, старом школьном учителе моего отца, который покоится на клочке общественной земли на дальнем берегу речки позади Святого Танкреда[15 - Флавия вспоминает о событиях, описанных в первой книге Алана Брэдли, – «Сладость на корочке пирога»]. Его отец, по всей видимости, не был членом городского магистрата.

«Миссис Коттлстоун, тем не менее, заставила выкопать подземный ход между гробницей Кассандры и семейным склепом, чтобы ее дочь – или по крайней мере душа ее дочери, – могла бы навещать родителей, когда пожелает».

«Ты все это выдумала, Даффи!»

«Нет, отнюдь. Об этом говорится в третьем томе “Истории и древностей Бишоп-Лейси”. Можешь сама посмотреть».

«Подземный ход? Правда?»

«Так говорят. И до меня дошли слухи...»

«Да? Расскажи, Даффи!»

«Может, не стоит? Ты знаешь, как отец сердится, когда думает, что мы наполняем твой разум призраками».

«Я ему не скажу. Пожалуйста, Даффи! Клянусь!»

«Нууу...»

«Пожааалуйста! Чтоб мне лопнуть!»

«Ладно, слушай. Но не говори, что я тебя не предупреждала. Однажды мистер Гаскинс сказал мне, что он копал новую могилу рядом с гробницей Кассандры Коттлстоун, ее край отодвинулся, и его лопата упала в яму. Обнаружив, что он не может дотянуться до нее рукой, он был вынужден ползти туда головой вперед и... ты уверена, что хочешь это услышать?»

Я сделала вид, что грызу костяшки пальцев.

«На полу гробницы рядом с лопатой лежала мумифицировавшаяся человеческая ступня».

«Это невозможно! Она не сохранилась бы двести лет спустя!»

«Мистер Гаскинс сказал, что могла сохраниться в определенных условиях. Что-то насчет почвы».

Разумеется! Жировоск! Трупный воск! Как я могла забыть?

Похороненное во влажном месте, человеческое тело может удивительным образом изменяться. Аммиак, выделяемый при гниении, когда жировые ткани разлагаются на пальмитиновую, олеиновую и стеариновую кислоты, работающие рука об руку с натрием и калием в земле могилы, способен превратить труп в кусок хозяйственного мыла. Простой химический процесс.

Даффи понизила голос и продолжила:

«Он сказал, что незадолго перед этим рассыпал красную кирпичную крошку на полу гробницы, чтобы увидеть, могут ли крысы с берега реки найти дорогу в церковь».

Я вздрогнула. Не прошло и года с тех пор, как меня заперли в ремонтном гараже на берегу реки, и я знала, что крысы – не плод воображения моей сестрицы[16 - Флавия вспоминает леденящие события, описанные в романе «Сладость на корочке пирога».]

Глаза Даффи расширились, и голос опустился до шепота.

«И знаешь что?»

«Что?»

Я не смогла сдержаться и тоже перешла на шепот.

«Ступня была окрашена в красный цвет, как будто вышла...»

«Кассандра Коттлстоун! – я чуть ли не кричала, и у меня волосы встали дыбом, как будто подул холодный ветер. – Она бродила...»

«Именно», – сказала Даффи.

«Не верю!»

Даффи пожала плечами.

«А мне какое дело, веришь ты или нет? Я излагаю тебе факты, а от тебя только головная боль. Теперь дуй отсюда».

И я дунула оттуда.

Пока я была погружена в воспоминания, рыдания Фели утихли, и она угрюмо уставилась в окно.

- Кто жертва? - спросила я, пытаюсь подбодрить ее.

- Жертва?

- Ну ты знаешь, бедолага, которого ты собираешься отвести к алтарю.

- О, - сказала она, встряхивая волосами, и выболтала ответ с удивительно минимальным подбадриванием с моей стороны. - Нед Кроппер. Я думала, ты уже слышала это у замочной скважины.

- Нед? Ты же его презираешь.

- С чего ты взяла? Нед собирается однажды стать владельцем «Тринадцати селезней». Он хочет купить гостиницу у Тулли Стокера и перестроить ее целиком: эстрадные оркестры, дартс на террасе, боулинг на лужайке... вдохнуть свежий воздух в это дышащее на ладан место... принести в него двадцатый век. Он собирается стать миллионером. Ты только подожди и увидишь.

- Ты меня дуришь, - сказала я.

- Ну что ж, ладно. Если ты так хочешь знать, это Карл. Он умолял отца разрешить мне стать миссис Пендракой, и отец согласился - главным образом потому, что верит, что Карл происходит из рода короля Артура. Наследник с таким происхождением - бриллиант в короне отца.

- Что за дерьмо, - сказала я. - Ты меня за нос водишь.

- Мы будем жить в Америке, - продолжала Фели. - В Сент-Луисе, штат Миссури. Карл собирается сводить меня на матч, посмотреть, как Стэн Мьюжел выбьет дух из «Кардиналов». Это бейсбольная команда.

- На самом деле я надеялась, что это будет сержант Грейвс, - сказала я. - Я даже не знаю его имени.

– Жаль, – произнесла Фели, мечтательно разглядывая свои ногти. – Но с какой радости мне выходить замуж за полицейского? Я даже помыслить не могу о том, чтобы жить с человеком, который приходит домой каждый вечер после убийства.

Похоже, Фели неплохо справляется со смертью мистера Колликута. Вероятно, в ней все-таки есть хоть капля крови де Люсов.

– Это Дитер, – сказала я. – Это он подарил тебе кольцо дружбы на рождество.

– Дитер? Ему нечего предложить, кроме любви.

Когда она дотронулась до кольца, я в первый раз заметила, что она носит его на среднем пальце левой руки. И при упоминании имени Дитера она не смогла сдержать улыбку.

– Точно! – боюсь, я завопила. – Это Дитер!

– Мы начнем все сначала, – сказала Фели, и ее лицо стало таким нежным, каким я его никогда не видела. – Дитер выучится на школьного учителя. Я буду преподавать фортепиано, и мы будем счастливы вдвоем, как голубки.

Я не могла не пожать сама себе руку. Яру! – воскликнула мысленно я.

– Кстати, где Дитер? – поинтересовалась я. – Я его давненько не видела.

– Он поехал в Лондон сдавать экзамен. Это отец устроил. Если ты проболтаешься хоть словом, я тебя убью.

Что-то в ее голосе сказалось мне, что она сдержит слово.

– Я нема как могила, – сказала я, тоже собираясь сдержать слово.

– Год мы будем помолвлены, пока мне не исполнится девятнадцать, – продолжила Фели, – просто чтобы сделать приятное отцу. А потом – коттедж, лютики и место, где можно будет при желании хоть на голове ходить.

Фели в жизни своей ни разу не ходила на голове, но я поняла, что она имеет в виду.

– Я буду скучать по тебе, Фели, – медленно сказала я, осознавая, что вложила душу в эти слова.

– О, как же это трогательно, – отозвалась она. – Ты справишься.

6

Когда я немного не в духе, я размышляю о цианистом калии, ведь его цвет так чудесно соответствует моему настроению. Так приятно думать, что растение маниока, растущее в Бразилии, содержит огромное количество этого вещества в своих тридцатифунтовых корнях. Но, к сожалению, все оно вымывается до того, как растение используют для приготовления нашей повседневной тапиоки[17 - Тапиока – крахмальная мука.].

Хотя мне потребовался целый час, чтобы признаться в этом самой себе, слова Фели задели меня за живое. Вместо того чтобы поразмышлять об этом, я достала с полки бутылочку с цианистым калием.

Дождь за окном прекратился, и в окно лился столб теплого света, заставляя голубые кристаллы ярко сверкать под лучами солнца.

Следующим ингредиентом был стрихнин, по случайному совпадению, получаемый из другого южноамериканского растения, из которого также делают кураре – еще один яд.

Я уже упоминала о моей страсти к ядам и особенной нежности к цианистому калию. Но, если быть совершенно честной, я должна признать, что испытываю также слабость к стрихнину – не за то, чем он является, а за то, чем он может стать. Например, в присутствии образующегося кислорода эти довольно заурядные белые кристаллы сначала приобретают глубокий синий цвет, а затем поочередно становятся пурпурными, фиолетовыми, алыми, оранжевыми и желтыми.

Идеальная радуга уничтожения!

Я аккуратно поставила стрихнин рядом с цианистым калием.

Следом шел мышьяк: в виде порошка он выглядел довольно скучным рядом со своими братьями – больше всего напоминая пекарский порошок.

В виде оксида мышьяк растворяется в воде, но не в спирте или эфире. Цианид растворяется в щелоче и в разведенной соляной кислоте, но не в спирте. Стрихнин растворяется в воде, этиловом спирте, хлороформе, но не в эфире. Это все равно что старая задачка про волка, козу и капусту. Чтобы проявить их суть, каждый яд нужно держать в отдельной емкости.

Открыв окна для вентиляции, я уселась ждать час, пока все три раствора дойдут до кондиции.

– Цианистый калий... стрихнин... мышьяк... – я громко произнесла их названия. Вот что я называю моими «успокоительными химикалиями».

Разумеется, я не первая придумала соединять несколько ядов в единый губительный напиток. В XVII веке в Италии Джулия Тофана сделала бизнес на продаже «аквы тофаны» – раствора, содержащего помимо прочих ингредиентов мышьяк, свинец, белладонну и свиной жир, – более чем шестистам женщинам, желающим, чтобы их брак химически растворился. Говорили, что это вещество было прозрачно, как вода, и аббат Гальяни утверждал, что в Неаполе не найти женщины, которая не держала бы секретный флакончик среди своих духов.

Говорили также, что жертвами сего напитка стали два римских папы.

Как же я обожаю историю!

Наконец мои мензурки были готовы, и я радостно замурлыкала, смешивая растворы и фильтруя их в приготовленную бутылочку.

Я взмахнула рукой над дымящейся смесью.

– Нарекаю тебя «аква флавия»! – провозгласила я.

Ручкой дядюшки Тара со стальным пером я написала свежепридуманное название на этикетке и приклеила ее к бутылочке.

– «Ак-ва фла-ви-я», – громко произнесла я, смакуя каждый слог. Звучит прекрасно.

Я создала яд, который в достаточных количествах может убить слона. Что он может сотворить с нахальной сестрой, жутко представить.

Один из аспектов ядов, на который зачастую не обращают внимание, – это удовольствие, когда тайно злорадуешь, представляя, как используешь его.

К тому же какой-то мудрец сказал, что месть лучше подавать холодной. Причина этого в том, конечно же, что, пока ты с ликованием предвкушаешь это событие, у жертвы есть предостаточно времени беспокоиться, когда, как и где ты нанесешь удар.

Например, можно представить себе выражение лица жертвы, когда она понимает, что то, что она потягивает из симпатичного стаканчика, – не просто апельсиновый сок.

Я решила подождать.

«Глэдис» терпеливо ждала там, где я ее оставила, свежечистенная ливрея красиво блестела в утреннем свете, льющемся в окна моей спальни.

– Изыди! – воскликнула я. Это устаревшее слово я узнала от Даффи в один из наших обязательных культурных вечеров, когда она читала вслух «Ламмермурскую невесту». – Мы обе изыдем! – пояснила я, хотя на самом деле в этом не было необходимости.

Я вскочила в седло, оттолкнулась и выкатилась из спальни, покачиваясь, проехала по коридору, сделала резкий поворот налево и через несколько секунд остановилась наверху восточной лестницы.

С высоты велосипеда ступеньки кажутся круче, чем на самом деле. Далеко внизу в вестибюле черные и белые плитки напоминали зимние поля, видимые с горной высоты. Я крепко схватилась за тормоз и двинулась вниз под опасным углом.

– Траляля-траляля-траляля-траляля, – восклицала я на каждой ступеньке всю дорогу вниз, и мои кости приятно потряхивало.

Внизу стоял Доггер. На нем был надет холщовый передник, а в руках он держал пару отцовских сапог.

– Доброе утро, мисс Флавия, – сказал он.

– Доброе утро, Доггер, – ответила я. – Рада тебя видеть. У меня вопрос. Как проводят эксгумацию трупа?

Доггер приподнял бровь.

– Вы думали об эксгумации мертвого тела, мисс? – уточнил он.

– Нет, не конкретно, – сказала я. – Я имела в виду, какие разрешения надо получать и так далее?

– Если я правильно помню, первым делом согласие должна дать церковь. Это называется право, полагаю, и его дает епархиальный совет.

– Канцелярия епископа?

– Более или менее.

Так вот о чем говорил викарий. Право было дано, сказал он Мармадьюку Парру, человеку из канцелярии епископа. Секретарю епископа.

«Обратного пути нет», – сказал викарий.

Очевидно, было дано право на эксгумацию святого Танкреда и затем, по каким-то причинам, оно было отозвано.

Кто, подумала я, мог вмешаться? Какой вред в том, чтобы выкопать кости святого, умершего пятьсот лет назад?

– Ты потрясающий, Доггер, – сказала я.

– Благодарю, мисс.

Из уважения я спешила с «Глэдис» и аккуратно покатила ее по вестибюлю во двор.

На лужайке рядом с гравием стоял раскладной походный стул, и рядом с ним лежали тряпки и баночка с кремом для обуви. Потеплело, и Доггер, видимо, работал во дворе на свежем воздухе, наслаждаясь солнечным светом.

Я собиралась было покатить в церковь, когда увидела, что у ворот Малфорда в нашу сторону поворачивает автомобиль. Он был странной формы, привлекавшей мое внимание: довольно ящикообразный, как катафалк.

Если я сейчас уеду, могу пропустить что-нибудь. Лучше, подумала я, сдержать нетерпение и погодить.

Я уселась на походный стул и начала изучать машину, стремительно приближавшуюся по каштановой аллее. Если судить по виду спереди, по высокому элегантному блестящему серебряному радиатору, это «роллс-ройс» кабриолет – местами очень похожий на старый «Фантом II» Харриет, который отец берег в уединении и сумраке каретного сарая, словно святилище: такие же широкие очертания и гигантские передние фары. Но было и что-то отличное.

Когда автомобиль повернул и оказался ко мне боком, я увидела, что он яблочно-зеленый и что крыша чуть-чуть приоткрыта над водительским местом, как у банки сардин. На месте, где раньше было заднее сиденье, стояли ряды серых некрашенных деревянных коробок, плотно уставленных цветочными горшками, все горшки были непокрыты – словно дешевые места в экскурсионном автобусе, откуда рассада и растущие растения могли наблюдать окружающий мир.

Поскольку отец много раз читал нам нотации о том, что нельзя глазеть, я инстинктивно вытащила свой блокнот и карандаш из кармана кардигана и

притворилась, что пишу.

Я услышала, как шины с хрустом затормозили. Дверь открылась и закрылась.

Я глянула исподтишка и зафиксировала высокого мужчину в желто-коричневом макинтоше.

- Привет, - сказал он. - Что это у нас тут такое?

Как будто я восковая фигура из музея мадам Тюссо.

Я продолжила писать в блокноте, сопротивляясь желанию высунуть язык.

- Что ты делаешь? - спросил он, подойдя на опасно близкое расстояние, как будто хотел посмотреть на мою страницу. Если есть то, что я искренне презираю, так это когда заглядывают сзади через плечо.

- Записываю номера машины, - ответила я, захлопывая блокнот.

- Гм-м-м, - протянул он, окидывая медленным взглядом окрестности. - Не могу представить, чтобы ты собрала большую коллекцию в этом захолустье.

С леденящим, как я надеялась, безразличием я произнесла:

- Что ж, у меня есть ваши, не так ли?

Это правда. GBX1066.

Он увидел, что я рассматриваю «роллс-ройс».

- Что ты думаешь о старушке? - спросил он. - «Фантом II» тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Бывший владелец, которому надо было иногда с комфортом перевозить скаковую лошадь, поработал над ней ножовкой.

- Должно быть, он сошел с ума, - сказала я. Не смогла сдержаться.

– Она на самом деле, – поправил меня он, – была такая. Сумасшедшая. Леди Дэнсли.

– Это которая «Печенья Дэнсли»?

– Она самая.

Пока я думала над ответом, он извлек из кармана серебряную визитницу, открыл ее и протянул мне карточку.

– Меня зовут Сауэрби, – представился он. – Адам Сауэрби.

Я бросила взгляд на потрепанную визитку. На ней аккуратно было напечатано мелкими черными буквами:

Адам Традескант Сауэрби, магистр искусств,

член Королевского садоводческого общества и пр.

Археоботаник

Древние семена. Ростки. Исследования

1066 Лондон, Ройял, Лондон E1TX, Тауэр-бридж

Гм-м, – подумала я. Те же четыре цифры, что и на регистрационном знаке. У этого человека явно есть связи.

– Должно быть, ты Флавия де Люс, – добавил он, протягивая руку.

Я собиралась вернуть ему визитку, когда до меня дошло, что он хочет обменяться рукопожатием.

- Викарий сказал мне, что я, вероятнее всего, найду тебя здесь, - продолжил он. - Надеюсь, ты не против моего непрошеного вторжения.

Конечно же! Это друг викария мистер Сауэрби. Мистер Гаскинс спрашивал о нем в гробнице.

- Вы имеете отношение к «Сауэрби и сыновья», гробовщикам из нашей деревни?

- Теперешний гробовщик, полагаю, мой троюродный кузен. Некоторые из Сауэрби избрали Жизнь, другие - Смерть.

Я интеллигентно пожала его руку, глядя прямо в его васильково-синие глаза.

- Да, я Флавия де Люс. Я вовсе не против вашего вторжения. Чем могу помочь?

- Денвин - мой старый друг, - произнес он, не выпуская моей руки. - Он сказал, что ты, вероятно, сможешь ответить на мои вопросы.

Денвин - так зовут викария, и я мысленно благословила его за откровенность.

- Я очень постараюсь, - ответила я.

- Когда ты бросила первый взгляд в то помещение позади камня, что ты увидела?

- Руку, - ответила я. - Высохшую. Она сжимала разбитую стеклянную трубку.

- Кольца?

- Нет.

- Ногти?

- Чистые. Ухоженные. Хотя ладони и одежда были грязными.

- Очень хорошо. Что ты еще увидела?

- Лицо. Во всяком случае, противогаз, закрывавший лицо. Светло-золотистые волосы. Темные полосы на шее.

- Что-нибудь еще?

- Нет. Фонарь светил довольно узким лучом.

- Отлично! Я вижу, твоя репутация, которая тебя опережает, вполне заслуженна.

Моя репутация? Викарий, должно быть, рассказал ему о нескольких старых делах, когда я смогла указать полиции правильное направление.

В глубине души я возгордилась собой.

- Никаких сухих лепестков... растений... что-нибудь такого плана?

- Нет, не заметила.

Мистер Сауэрби подобрался, будто собираясь задать щекотливый вопрос. И шепотом произнес:

- Должно быть, для тебя это такой шок. Я имею в виду труп этого бедолаги.

- Да, - сказала я и не стала объяснять.

- Полиция напортачила на месте происшествия, убрала останки и всякое такое. Все, что могло бы меня заинтересовать, теперь просто...

- Пыль на сапогах сержанта, - сострила я.

- Именно. Теперь мне придется ползать по земле с увеличительным стеклом, как Шерлоку Холмсу.

- Что вы рассчитываете найти?

- Семена, - ответил он. - Остатки от погребения Святого Танкреда. Присутствующие на похоронах часто бросали свежие цветы на могилу, знаешь ли.

- Но в склепе ничего не было, - сказала я. - Он был пуст. Если не считать мистера Колликута, конечно же.

Адам Сауэрби бросил на меня загадочный взгляд.

- Пуст? О, я понимаю, что ты имеешь в виду. Нет, вряд ли он был пуст. Расщелина, где ты обнаружила мистера Колликута, - это на самом деле камера перед самой гробницей. Ее крышка, если хочешь. Святой Танкред все еще уютно лежит где-то внизу.

Так вот почему там не было костей! Я получила ответ на свой вопрос.

- Значит, вполне вероятно, что вы найдете семена и всякое такое?

- Я удивлюсь, если нет. Просто в любом расследовании приходится начинать снаружи и пробираться внутрь.

Я бы сама лучше не выразилась.

- И эти семена, - поинтересовалась я, - что вы с ними будете делать?

- Я буду за ними ухаживать. Помещу в теплое место и предоставлю им необходимое питание.

По страсти в его голосе я поняла, что для него семена - все равно что яды для меня.

- А потом? - спросила я.

– Они вполне могут прорасти, – ответил он. – Если нам чрезвычайно повезет, один из них зацветет.

– Даже пятьсот лет спустя?

– Семя – удивительный сосуд, – сказал он. – Настоящая машина времени. Каждое семя может принести прошлое живьем в настоящее. Подумай только!

– А потом? – продолжила расспрашивать я. – Когда они зацветут?

– Я их продам. Ты удивишься, сколько денег некоторые люди готовы отдать за то, чтобы быть единственным владельцем вымершего растения. – О, ну и научная слава, разумеется. Кто может жить без нее в наше время?

Я понятия не имела, о чем он говорит, но информация о растениях меня интриговала.

– Вы не могли бы подвезти меня в деревню? – внезапно спросила я. Было еще рано, и мой план начинал выкристаллизовываться.

– Твой отец разрешает тебе ездить с незнакомцами? – полюбопытствовал он, но в его глазах вспыхнул огонек.

– Он не будет возражать, раз вы друг викария, – сказала я. – Я могу положить «Глэдис» сзади, мистер Сауэрби?

– Адам, – поправил он. – Поскольку мы оба под чарами викария, я полагаю, совершенно нормально называть меня по имени.

Я забралась на пассажирское сиденье. Машина заскрежетала и завибрировала, когда Адам выжал сцепление и включил первую передачу, и мы тронулись.

– Ее зовут Нэнси, – сказал он, показывая на приборную панель, затем глянул на меня и добавил: – в честь поэмы Бернса.

– Боюсь, я не в курсе, – отозвалась я. – Это моя сестра Дафна – книжный червь.

– «Пускай с тобою мы бедны, но ты – мой клад бесценный!» [18 - Стихотворение Р. Бернса цитируется в переводе С. Я. Маршака.]» – процитировал он. – Это из «Возвращения солдата».

– А! – сказала я.

Церковный двор, если на то пошло, зеленел более жизнерадостно, чем ранним утром. Синий «воксхолл» инспектора стоял на прежнем месте, как и фургон мистера Гаскинса.

– Я высажу тебя тут, – сказал Адам у покойницкой. – Мне надо кое-что обсудить с викарием.

Иносказательно это значило: «Я хочу поговорить с ним наедине», но он преподнес это так вежливо, что я вряд ли могла возразить.

Хотя я видела, что «Глэдис» понравилась ее первая поездка на «роллс-ройсе», я почувствовала, что она рада снова оказаться на твердой земле, уезжая, я помахала рукой.

Не успела я поставить ногу на порог церкви, как мне дорогу преградила огромная темная фигура.

– Постой-ка, – прорычал голос.

– О, доброе утро, сержант Вулмер, – сказала я. – Прекрасный день, не так ли? Хотя рано был дождь, сейчас распогодилось.

– Нет, мисс, – сказал он. – Вы не войдете. Здесь закрыто. Нельзя. Это место преступления.

– Я просто хотела помолиться, – сказала я, ссутулив плечи и приняв робкий вид в стиле Синтии Ричардсон, жены викария, а также добавив нотку плаксивости в голос. – Я ненадолго.

– Можете помолиться на церковном дворе, – ответил сержант. – У бога большие уши.

Я втянула воздух, как будто шокированная его богохульством.

На самом деле он подкинул мне идею.

– Ладно, сержант Вулмер, – сказала я. – Я помяну вас в своих молитвах.

Пусть призадумается, скотина! Пусть этот олух на досуге пораскинет мозгами, если они у него, конечно, есть!

Склеп Кассандры Коттлстоун напоминал массивный елизаветинский комод и выглядел так, будто его пытались утащить преступники, пойманные на месте преступления и бросившие добычу посреди церковного двора, где в течение столетий он превратился в камень.

Вокруг известняковой основы трава пустила длинные ростки – явный знак того, что эту часть церковного кладбища посещали редко.

Солнце скрылось за облаком, и я с дрожью подумала, что прямо под моими ногами проходит тайный туннель, по которому, как говорили, блуждает призрак Кассандры.

Pray for mye bodie to sleepe

And my soule to wake.

Когда я обошла склеп и приблизилась к его северной стороне, мое сердце подпрыгнуло.

Прилегающая могила просела, и земля теперь не полностью покрывала основание склепа Коттлстоун.

В точности как сказала Даффи!

В северо-западном углу к склепу прислонилась большая каменная плита, частично прикрытая обветшавшим брезентом, в котором образовались лужицы дождевой воды. Ткань удерживалась на своем месте обломками камня, и судя по наростам на ней, она здесь лежит уже какое-то время.

Либо мистер Гаскинс отвлекся от ремонта, либо он попросту ленив.

С того места, где я теперь стояла, на северном конце, громоздкий склеп блокировал вид на церковь, и наоборот. Как я уже сказала, никто никогда не приходит в эту часть церковного двора. С тем же успехом это могла быть другая планета.

Я опустилась на четвереньки и заглянула под брезент. Под ним зияла дыра. Вокруг нее на потревоженной земле в большом количестве виднелись отпечатки ног, часть из них размыл недавний дождь, некоторые оказались под защитой брезента и остались удивительно четкими. Их оставил не один человек.

Я убрала обломки камней и аккуратно оттащила брезент, стараясь, чтобы скопившаяся вода стекла с одного края на траву.

Теперь дыра полностью открылась передо мной. Снова встав на четвереньки, я всмотрелась внутрь. Ожидала ли я увидеть кости? Я не вполне уверена в этом, но под гробницей оказалось каменное помещение, большей частью скрытое темнотой.

О, мне бы фонарь! – подумала я.

Почему природа не снабдила нас фонарями во лбу, на манер светлячков, только с другой стороны туловища? И более мощными, разумеется: это был бы вопрос простой фосфоресцирующей химии.

Я выгнула шею, чтобы рассмотреть все получше, когда почва под моими руками подалась.

Я отчаянно пыталась удержаться за длинную траву, но стебли либо ломались, либо скользили между пальцами.

Какое-то время я пошатывалась на краю, размахивая руками и изо всех сил стараясь сохранить равновесие. Но бесполезно. Мои туфли скользнули по влажной земле, и я грохнулась в могилу.

7

Должно быть, на какое-то время я лишилась сознания. Мне показалось, на века, но на самом деле, вероятно, прошло всего несколько секунд, пока я лежала оглушенная.

А потом запах. О, запах!

Такое ощущение, будто меня в нос ударили кирпичом.

Внезапно в мои ноздри будто ввинтили коловорот.

Я прижала ладонь к носу и с трудом встала на колени, но стало только хуже. Я тут же поняла, что густая вонючая слизь, испачкавшая мое лицо, – это все, что осталось от Кассандры Коттлстоун и ее соседей.

Я знаю, что в тот миг, когда жизнь заканчивается, человеческое тело начинает весьма эффективно пожирать само себя. Наши собственные бактерии с удивительной легкостью превращают нас в газовые мешки, содержащие метан, углекислый газ, сероводород и меркаптан для начала. Хотя я уже некоторое время делала наброски к будущему труду под названием «Де Люс о разложении», до этого момента я не имела, так сказать, «опыта из первых рук».

Теперь я быстро поняла, что эта смесь действует как нюхательные соли.

Я вскочила на ноги с ощущением тошноты и ударилась о твердую каменную стену.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я обнаружила, что отверстие, через которое я провалилась, на самом деле не больше входа в лисью нору. В слабом свете мне удалось разглядеть, что стены гробницы сделаны из крошащегося

камня.

Если не считать нескольких булыжников на полу, прямоугольный склеп был пуст.

В противоположной от дыры стене располагалась маленькая, совершенно обычная на вид деревянная дверь.

Я ухватилась за ручку и попыталась повернуть ее. Дверь была заперта.

В других обстоятельствах я бы воспользовалась кусочком проволоки и с легкостью открыла замок – искусство, которому одной долгой зимой Доггер обучил меня в обмен на помощь в мытье цветочных горшков в оранжерее.

«Все в твоих пальцах, – говаривал он. – Ты должна научить слушаться кончики своих пальцев».

К несчастью, человек, только что свалившийся вниз головой в могилу, плохо укомплектован инструментами взломщика. Однажды я симпровизировала, сняв брекеты и выпрямив их в сносное подобие отмычки, но сегодня на мне их не было.

Я могла бы при крайней необходимости выбраться из могилы и попросить разрешения у «Глэдис» одолжить спицу. Но поскольку это место кишело полицией, вероятнее всего, меня заметят и игра будет окончена.

Значит, люди инспектора Хьюитта, по всей видимости, слишком заняты в крипте и еще не обнаружили этот конец потаенного туннеля.

Я прижала ухо к двери и внимательно прислушалась. Острый слух, который я унаследовала от Харриет, чаще мешал, чем помогал, но это был как раз тот редкий случай.

По другую сторону двери царила тишина: крепкие полицейские еще не начали прокладывать путь по туннелю в поисках места, куда он ведет.

Я напоследок еще раз сильно тряхнула дверь, но она не шелохнулась.

Что-то удерживает ее снаружи, – подумала я.

Или внутри.

Мне придется вернуться сюда ночью: со спрятанным фонарем и в черной одежде.

Надо сделать это быстро. Сегодня. Если мне повезет, я буду на один шаг опережать полицию.

Теперь мне оставалось только выбраться из вонючего мешка и вернуться в Букшоу, чтобы принять ванну. Одежду, по-видимому, придется сжечь.

Я вернулась к дыре, вытянула руки, ухватилась за край и подпрыгнула изо всех сил, яростно цепляясь носками туфель за стену, чтобы удержаться.

На секунду мои пальцы коснулись выступа у подножия склепа, но удержаться мне не удалось.

Я снова упала в грязь. Если бы я была хоть на дюйм-два выше...

Выход оставался только один, если не считать воплей о помощи, но этот вариант меня явно не устраивал.

Грязными пальцами я развязала шнурки и сняла туфли и носки. Засунув один носок в туфлю, чтобы придать ей объем, я связала вторым носком обе туфли подошвами наружу. Устойчиво разместила свой импровизированный резиновый брусок вплотную к каменной стене и встала сверху.

Я сделала глубокий вдох, помолилась святому Танкреду, чтобы он приделал крылья моим пяткам, – и подпрыгнула изо всех сил.

На этот раз мои пальцы с легкостью уцепились за мраморный уступ, и усиленно работая ногами, я восстала из могилы.

На траве, с ужасом уставившись на меня, с белым как простыня лицом и открытым ртом в форме буквы О, стояла Синтия Ричардсон, жена vicария.

Полагаю, мне следовало сказать что-нибудь вежливое, успокаивающее. Но я этого не сделала.

Не знаю, что промелькнуло у нее в голове при виде грязного вонючего привидения с черным лицом, внезапно вырвавшегося из могилы прямо перед ней, но в этот конкретный момент меня это не волновало. Я поступила так, как сделала бы любая разумная девочка в моих обстоятельствах: драпанула.

От идеи смыть с себя грязь в речке позади церкви пришлось отказаться.

О, Флавия! – подумала я. – О, Флавия!

И тут меня озарило вдохновение, подстегнутое страхом наказания, и я вспомнила, что оставила свой макинтош на крючке в башне. Если мне повезет, я незаметно заберу его. Да, точно! И я пойду в нем домой, прикрыв грязные лохмотья, в которые превратилась моя одежда.

У башни я бросила взгляд на Синтию, которая продолжала стоять в оцепенении там, где я ее оставила, белая, как кладбищенские ангелы.

Я медленно пробиралась вдоль стены башни, плотно прижимаясь спиной к камням. Взглянув украдкой за угол, я обнаружила сержанта Вулмера, сидящего на заднем сиденье «воксхолла» спиной ко мне, опустив ноги в траву. Он что-то писал в блокноте.

Пытаясь слиться со стеной, я скользнула за угол и устремилась к двери. Если кто-то окажется на крыльце, мне крышка.

Но Судьба была на моей стороне. На крыльце никого не было, и церковь погрузилась в сумрак и тишину. Полиция, видимо, продолжала работать в крипте.

На цыпочках я поднялась по винтовой лестнице и вошла в комнату наверху. Мой макинтош висел на том же месте, где я его и оставила.

Я сложила его как можно компактнее и спрятала под то, что еще утром называлось свитером. Не стоит привлекать взгляды флуоресцентным желтым плащом, не обратить внимание на которой не может ни один нормальный человек.

Если бы я наткнулась на кого-то на выходе, я бы просто прижала руки к животу и сочинила какую-нибудь историю. Например, что у меня живот болит.

И свалила бы это на мучной заварной пудинг миссис Мюллет.

Я кралась вниз по винтовой лестнице... останавливаясь на каждой ступеньке и прислушиваясь.

Сержант Вулмер был все еще поглощен своим блокнотом, и я выпорхнула из двери и скрылась за углом башни в мгновение ока. Хотя и считается, что это к неудаче, я обошла церковь против движения солнца, остановившись, перед тем как сунуться на северную сторону. Но дорога была свободна. Синтия Ричардсон ушла.

«Глэдис» радостно купалась в лучах солнца, и я медленно покатила ее по кладбищу, перемещаясь от одного надгробья к другому на запад, потом на юг и вдоль излучины реки. Мои серо-коричневые кардиган и юбка, еще больше закамуфлированные пятнами и потеками могильной грязи, делали меня практически невидимой среди старых надгробий. Когда мы достигли каменной стены, означавшей границу кладбища, я подняла «Глэдис» и бережно опустила ее на землю по другую сторону ограды, и через несколько секунд мы радостно неслись по дороге домой в Букшоу.

Раньше, подъезжая к дому по каштановой аллее, я не замечала, насколько обветшалым и потрепанным стал Букшоу. Из-за нескошенной травы, нестриженных изгородей, неразровненного гравия и немых стекол дом приобрел запущенный вид, отчего мое сердце болезненно сжалось.

Отец был не виноват. Нехватка денег заставила его сузить свой личный мир до такой степени, что у него мало что осталось помимо небольшого кабинета: маленький рай или тюрьма? – где он мог изолироваться от жестокого мира за баррикадой из неизменных старых почтовых марок.

Доггера тоже нельзя было обвинить: он делал все, на что был физически и психически способен. Когда ему хватало сил, чтобы работать садовником, дом и окрестности выглядели так же нарядно, как в стародавние времена, запечатленные даже на страницах журнала «Сельской жизни». Но в остальное время я радовалась, если Доггер мог хотя бы почистить сапоги отцу.

Его раскладного стула нигде не было видно. Доггер куда-то исчез.

Как и прежде, надо было лишь незаметно пересечь вестибюль и подняться по лестнице. Если Фели или Даффи увидят, в каком состоянии моя одежда, это будет вопрос нескольких секунд перед тем, как они насплетничают отцу, а если отец сам заметит мою грязную одежду... ох, я содрогнулась при одной мысли о выволочке.

К счастью, мой макинтош, вымытый вчерашним дождем, был чист. Я подняла воротник и застегнула плащ сверху донизу. Кто знает? Может, меня даже похвалят за то, что я тепло одеваюсь и держу себя в сухости.

Единственной проблемой оставались ноги. Они не просто были босые, без носков и туфель, их покрывали вонючие останки Кассандры Коттлстоун.

Я сгибала колени, пока подол моего плаща не коснулся плиток пола, и неуклюже враскачку побрела по вестибюлю, словно пингвин, или, может быть, как мистер Пейстри, когда он покидает сцену после завершения пантомимы «Прощальная церемония». Должно быть, я выглядела так, будто мне отпилили ноги ниже колен или вбили меня в землю, как колышек для палатки.

Я была на середине лестницы, когда услышала шаги в коридоре второго этажа.

Проклятие! – подумала я.

Между перилами появились ноги: ноги в черных брюках.

Через секунду целиком показался Доггер.

– Я сейчас принесу горячую воду, – тихо сказал он уголком рта, спускаясь мимо меня по ступенькам.

Поразительный человек.

Я отмокала в сидячей жестяной ванне, пытаюсь не думать о разнообразных кусочках грязи, всплывавших на исходящую паром поверхность. Горячая вода в сочетании с усталостью заставили меня задремать. Секунду назад я была похожа на распаренный вареник – и вот я снова в Святом Танкреде, сижу на скамье органа.

Я зачарованно следила, как длинные белые пальцы ласкают клавиши, освещенные только парой свечей по обе стороны инструмента.

Остальная часть церкви погрузилась во мрак.

Черные ноты летели по белой странице. Черные тени рук носились над белой слоновой костью, словно пауки.

Я узнала похоронный марш Шопена: Фели играла его две недели назад, когда старого мистера Фуллера в последний раз пронесли по проходу в церкви.

Дум-дум-да-ДУМ, дум-да-ДУМ-да-ДУМ-да-ДУМ.

В этой музыке было что-то такое, необратимое. Когда оказываешься в могиле, возврата нет. Если, конечно же, тебя не выкопают.

– Фели, – с дрожью сказала я, – тебе не кажется...

Я повернулась взглянуть на сестру, но это не Фели сидела рядом со мной на органной скамье.

Во мраке ко мне медленно повернулась черная поросычья морда, в стеклянных глазах плескалась кровь. Не успело оно заговорить, как я почувствовала запах его грязной резиновой шкуры, могильную вонь его горячего гнилостного дыхания.

- Харриет, - прокаркало существо. - Хар-ри-ет.

С воплем я проснулась, молотя руками и ногами по воде. Я выскочила из ванны, расплескав воду по полу.

Мои зубы стучали. Кожа, несмотря на еще тепловатую воду, была холодной как лед. Я пробежала через всю комнату, втиснулась в халат и съежилась на середине кровати.

Это все, на что я была способна. Дыхание никак не могло успокоиться, и сердце колотилось безумным барабаном.

Послышался легкий стук в дверь, но я не могла найти в себе сил ответить. Через несколько секунд дверь медленно открылась и появилось лицо Доггера.

- Вы в порядке? - спросил он, окидывая меня взглядом и приближаясь.

Я совладала с железными мышцами шеи лишь настолько, чтобы одеревенело кивнуть.

Доггер дотронулся до моего лба внутренней стороной запястья, а затем пощупал пульс на моей шее.

- Вы испугались, - сказал он.

- Это был сон.

- А, - произнес он, укрывая меня одеялом. - Со снами это случается. Пожалуйста, ложитесь.

Когда я вытянулась на кровати, Доггер положил подушку мне под ноги.

- Сны, - сказал он, - очень целебная вещь. Весьма полезная.

Должно быть, я посмотрела на него с мольбой в глазах.

- Испуг может быть удивительно целебным, - продолжил он. - Известно, что он исцеляет подагру и снижает жар.

- Подагру? - пробормотала я.

- Неприятная болезнь пожилых джентльменов, любящих вино больше, чем свою печень.

Наверное, я улыбнулась, но внезапно оказалось, что мои веки сделаны из свинца.

Железная шея, свинцовые веки, - подумалось мне. - Я становлюсь сильнее.

И потом я уснула.

8

Когда я открыла глаза, было уже светло, хотя стрелки моего медного будильника сонно показывали половину шестого.

Какая досада! Я проспала свой запланированный полуночный визит в склеп. Теперь мне придется ждать еще двадцать четыре часа, а к тому времени полиция, вероятно...

- Доброе утро, мисс Флавия, - произнес голос рядом со мной, и я чуть не выпрыгнула из своей кожи.

- О! Доггер! Я не знала, что ты здесь. Ты меня напугал.

- Извините. Я не хотел. Полагаю, вы хорошо спали?

По медлительности и неловкости, с которыми он поднялся из кресла рядом с моей кроватью, я поняла, что он просидел тут всю ночь.

– Очень хорошо, спасибо, Доггер. Мне кажется, я вчера перетрудилась.

– И правда, – согласился он. – Но я думаю, что этим утром вам лучше.

– Благодарю, да.

– Через десять минут я буду завтракать чаем и тостами на кухне, если вы пожелаете присоединиться ко мне, – сказал Доггер.

– Ни за что не пропущу! – ответила я, полностью осознавая, какая великая честь это приглашение.

Когда Доггер ушел, я умылась и аккуратно заплела косички, и даже повязала каждую новой белой (в честь Пасхи) ленточкой. После бессонной ночи Доггера меньшее, что я могу сделать, – это прилично выглядеть за завтраком.

Мы сидели на кухне, Доггер и я. Остальные еще не проснулись, а миссис Мюллет придет из деревни только через час.

Между нами повисло то, что Доггер однажды поименовал «общительным молчанием», небольшим отрезком времени, когда никому из нас не особенно хотелось разговаривать.

Единственными звуками, раздававшимися в кухне, были стук ножей, режущих тосты, и тихое гудение серебряного тостера, чьи маленькие красные змейки внутри превращали белые ломтики хлеба в коричневые. Это чудесно, если задуматься: то, как сухой жар раскаленных электрических элементов заставляет сахара в хлебе взаимодействовать с аминокислотами, создавая совершенно новый набор запахов. Реакция Майяра, так она называется в честь Луи-Камилла Майяра, французского химика, изучавшего приготовление тостов и загар.

Когда мои зубы вонзились во вкусную корочку, я внезапно осознала, что тост, съеденный горячим сразу из тостера, намного превосходит по вкусу тост, принесенный к далекому столу. Хотя здесь наверняка был какой-то урок, в тот момент я не могла понять, какой именно.

Я первой нарушила молчание.

– Ты когда-нибудь слышал о человеке по имени Адам Сауэрби? – поинтересовалась я.

– Знакомый вашего отца, полагаю, – ответил Доггер. – Довольно известный ботаник. Они вместе учились в школе.

Друг отца? Почему Адам не сказал мне об этом? Почему отец никогда не упоминал его имя?

– Его работа часто приводит его в старые церкви, – продолжил Доггер, не глядя на меня.

– Я знаю, – сказала я. – Он надеется найти старые семена в могиле Святого Танкреда. Подвез меня в деревню вчера.

– Да, – сказал Доггер, взяв еще один тост и намазывая его медом с хирургической точностью. – Я видел вас из окна второго этажа.

Никто даже не взглянул на меня, когда я вошла в столовую. Отец, Фели и Даффи сидели, как обычно, каждый в своем невидимом отсеке.

Единственным отличием сегодняшнего утра был внешний вид Фели: белое как мел лицо и красные круги вокруг глаз. Без сомнения, она провела ночь, горя по покойному мистеру Колликуту. Я почти чувствовала запах свечей.

По-видимому, она еще не поделилась новостью о его кончине с отцом. По какой-то запутанной причине она оставила это при себе. Как будто хранила сокровище.

Мне стало как-то не по себе, как будто я только что соприкоснулась плечами с призраком.

Я скользнула на свой стул и подняла крышку патентованного подогревателя пищи. Главное блюдо этого утра состояло из королевских омлетов миссис Мюллет: плоских резиновых блинов из бледного яйца вперемешку с кусочками красного и зеленого перца и большим количеством чатни, – когда отец нас не слышал, мы именовали эту штуку «жаба на дороге».

Я подцепила одно такое кальмарообразное чудовище вилкой и передала его на тарелке Фели.

Она прикрыла рот ладонью, слабо, но все же различимо рыгнула, отодвинула стул и выбежала из комнаты.

Я вопросительно подняла бровь на отца, оторвавшегося от «Лондонского филателиста», но он не захотел отвлекаться от своего хобби. Несколько секунд он слушал удаляющиеся шаги Фели, как будто прислушиваясь к отдаленному лаю гончей, потом продолжил читать газету.

– Вчера я встретила твоего друга, отец, – сказала я. – Его зовут Адам Сауэрби.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

(англ. дословный перевод)

Теперь от того черного похоронного тиса,
Что омывает склеп росой,
Мне показалось, донесся голос:
«Вы, вороны, прекратите громко каркать,
Вы, звонящие колокола, не время раздаваться
Над длинным озером и полуночной землей».
Он посылает отзвуки глухих стонов
И так вещает из гробницы.

Томас Парнелл, «Ночные стихи о смерти», 1717 г. (Здесь и далее – примечания переводчика).

2

Слушай, ангелы-вестники поют:
«Пилюли Бичема» – то, что надо,
Мир на земле и сострадание,
Две для взрослого и одна для ребенка.

3

Мы, три короля с площади Лестер,
Продаем дамское белье,
Такое прекрасное, такое эластичное,

Всего лишь два пенса за пару.

4

Виндлада – резервуар для сжатого воздуха в органе. В виндладу воздух попадает из мехов, а из виндлады поступает непосредственно в трубы.

5

Чанги – тюрьма в Сингапуре, построенная англичанами и, по иронии судьбы, во время Второй мировой войны использовавшаяся японцами, оккупировавшими Сингапур, в качестве лагеря военнопленных для британцев.

6

Прозвище Глэдис, по-видимому, происходит от английского слова glad – довольный, веселый, жизнерадостный.

7

Я умерла

И теперь покоюсь

У церковной двери

Вечно

Молитесь, чтобы мое тело спало,

А моя душа пробудилась.

8

Стэн Мьюжл (род. 1921) – легендарный американский бейсболист.

9

«Крейвен-Эй» – марка сигарет, названных в честь Джорджа Крейвена, третьего графа Крейвена и особенно популярная во время Второй мировой войны. Отличались тем, что у них вместо фильтра был кусочек пробки.

10

Джон Миллс (1908–2005) – известный английский актер, снявшийся за 70 лет своей кинокарьеры в 120 фильмах, лауреат премии Оскара за лучшую роль второго плана в фильме «Дочь Райана» (1970).

11

«Свисти за работой» – песенка из диснеевского мультфильма 1939 года «Белоснежка и семь гномов».

12

Альфред Суэйн Тейлор (1806–1880) – английский токсиколог, автор многих научных трудов, прозванный отцом британской судебной медицины.

13

Энид Блайтон (1897–1968) – знаменитая английская писательница, автор детских и юношеских романов, переведенных на 90 языков, в том числе на русский. Ее юные смысленные героини-сыщицы – явно прообраз Флавии де Люс.

14

Я умерла

И теперь покоюсь

У церковной двери

Вечно.

Молитесь, чтобы мое тело спало,

А моя душа пробудилась.

15

Флавия вспоминает о событиях, описанных в первой книге Алана Брэдли, – «Сладость на корочке пирога».

16

Флавия вспоминает леденящие события, описанные в романе «Сладость на корочке пирога».

17

Тапиока – крахмальная мука.

18

Стихотворение Р. Бернса цитируется в переводе С. Я. Маршака.

Купить: <https://tellnovel.com/alan-bredli/ya-veschayu-iz-grobnicy-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)